

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ

**ЖЕНЩИНА
С ЧУЖИМ ПАСПОРТОМ**

РОМАНЫ О ВРЕМЕНИ И ЛЮБВИ

Романы и сборники малой прозы

Галина Врублевская

Женщина с чужим паспортом

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Врублевская Г. В.

Женщина с чужим паспортом / Г. В. Врублевская — «Эксмо»,
2016 — (Романы и сборники малой прозы)

ISBN 978-5-699-87520-7

Когда мне было 38 лет, я поменялась паспортами с двадцатидвухлетней девушкой. Отдала своё имя, диплом о высшем образовании, своё прошлое – всё, всё! – ради того, чтобы вновь считаться молодой. Я прекрасно выгляжу, потому что на тюнинг уходят все мои деньги, юный супруг меня обожает. Но вместо того, чтобы наслаждаться всем этим, я постоянно чувствую вину за этот обман, страшусь будущего, которое рано или поздно раскроет мои секреты... Я не понимаю: счастлива ли я? И никогда бы не поняла, если бы не шокирующее заявление, которое в один прекрасный день сделал мне супруг...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87520-7

© Врублевская Г. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть 1. Билет на машину времени	6
1	6
2	13
3	20
4	29
5	32
6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Галина Врублевская

Женщина с чужим паспортом

© Врублевская Г., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть 1. Билет на машину времени

1

Какая женщина не сошла бы с ума от радости, если ей довелось бы скинуть десяток-другой лет – и из общипанной курицы вновь превратиться в желторотую цыпку! Но случается такое лишь в снах да в сказках. А в жизни... Конечно, благодаря всевозможным ухищрениям женщинам удается выглядеть помоложе, однако предатели паспорта всегда готовы вывести каждую из них на чистую воду!

...Я выглядела тогда молодо, и прохожие еще называли меня девушкой. Однако, как мама выпускницы школы, я отлично понимала, что мое солнце уже в зените – понимала, но не принимала душой. И в этот шаткий момент судьба вручила мне билет на машину времени. Да-да, это произошло на самом деле – неведомые силы переместили меня в юность! Правда, не в мою, а в чужую. Но меня, меня перенесли – а не кого-то другого!

День, который перевернул мою судьбу, я помню в самых мелких подробностях.

Погожее лето тысяча девятьсот девяносто восьмого года уже перемахнуло свою вершушку. В те благословенные августовские денечки все, кто мог, старались вырваться в отпуск. Мой же отпуск слишком затянулся, поскольку еще весной я, работавшая патентоведом в одном из питерских НИИ, попала под сокращение штатов. Мне назначили на бирже труда небольшое пособие по безработице и отправили на курсы секретарей-референтов. Их я посещала дважды в неделю, а остальное время была ничем не занята.

Меня тревожила мысль о поиске работы, но тревожила как-то не всерьез – ведь было лето! Я как бабочка-однодневка порхала с цветка на цветок, наслаждаясь звенящим воздухом свободы: то ездила купаться на пригородные озера, то отправлялась в лес за дарами природы. И в тот незабываемый день тоже выехала из Петербурга ранней электричкой, сошла на знакомой станции, немного не доезжая до Выборга – это место, окруженное хвойным лесом, славится обилием ягод и грибов. Лес был мне хорошо знаком, поскольку моя семья много лет снимала здесь дачу, так что я знала все тропы и дорожки в округе. Я с удовольствием ступала по седому мягкому мху среди постанывающих в голубом небе сосен; склонялась над красной головкой подосиновика, в радостном изумлении застывала при виде бурой шляпки боровика, а порой и обманывалась упавшим желтоватым листком; пролезала под колючими лапами елей и ошпылила кусты черники, наполняя сочной ягодой прихваченное для этого ведерко. Я наслаждалась.

К полудню корзина наполнилась до краев грибами, а ведерко – черникой. Солнце припекало все сильнее, а среди ветвей деревьев весело посвистывали птицы. Я плелась по пыльной дороге к станции, едва передвигая ноги, хотя следовало бы поторопиться: если не успею на ближайшую электричку, то следующей придется дожидаться долго. Несколько раз я пыталась прибавить шаг, но это оказалось выше моих сил: руки оттягивала тяжелая корзина, а в плечи врезались лямки от рюкзака, в котором я несла ведро с ягодами.

Но уже была видна станция и виадук, воздвигнутый над множеством сходящихся и расходящихся путей, – станция была узловая. Чтобы успеть на поезд – а попасть нужно было именно на определенную платформу, – придется бегом подняться по ступеням. Как я это сделаю с таким тяжелым грузом? Еще издали мне было видно, что на платформе, расположенной с другой стороны виадука, толпятся люди, такие же грибники и ягодники, как я.

Послышался пронзительный свист приближающегося состава. Электричка? Уже? Я посмотрела на свои часы: вот незадача – получается, они отставали! Точно не успею...

Смирившись с опозданием, я присела на шпалы, сложенные неподалеку от виадука ровными штабелями. Сняла рюкзак, стянула с головы косынку и вытерла ею пот с лица. Посмотрела, как электричка притормозила на минуту у дальней платформы, как забрала пассажиров и укатила. По расписанию следующий поезд на Питер почти через два часа – так что торопиться мне уже было некуда. Я еще посидела, отдыхая, съела несколько горстей черники из своего ведерка. Вновь закинув рюкзак на плечи и держа в руке корзину с грибами, начала восхождение. Опустив голову, я методично переставляла ноги по ступеням, сгибала и распрямляла колени. Преодолевая пролеты лестницы виадука, я то и дело поглядывала вбок через решетку ограждения – есть что-то завораживающее в расчерченной рельсами железнодорожной насыпи. Притягивали взгляд три десятка рельсов, то бегущие параллельными прямыми, то внезапными углами сворачивающие на переводных стрелках – отсюда, с высоты виадука, они представлялись черным со стальным отблеском геометрическим узором на гигантском ковре гравия. Наконец я преодолела подъем – оставалась одна ступенька до верхней площадки!

Как же тяжело! Я опустила оттягивающую руку корзину. Бамс! – несколько подосиновиков выпали на бетонное покрытие виадука. И только я потянулась за ними, как увидела за решеткой виадука чьи-то ноги. О, ужас! С другой стороны ограждения, на узком карнизе виадука стояла сухощавого сложения женщина в джинсах и расстегнутой ветровке. Стояла спиной к решетке, устремив взгляд на рельсы, в бездну под виадуком, будто разглядывала тот самый геометрический узор, который только что казался мне таким красивым. Широко раскинутыми руками женщина вцепилась в перила позади себя, а ногой шарила по осыпающемуся бетонному карнизу, чтобы сделать приставной шаг и продвинуться к центру виадука. Ветер нещадно трепал куцый хвостик ее блеклых волос. Слегка продвинувшись, женщина остановилась. Там, куда она нацеливалась пристроить ступню, ограждение моста было усилено высоким щитом из металлической сетки, потому что прямо под ним проходила скоростная магистраль. Акробатка, одной рукой держась за перила, другой стала нащупывать возможность просунуть пальцы в ячейку заградительной сетки.

В этот момент из репродуктора прозвучал голос вокзального диктора: «Граждане пассажиры, отойдите от края платформы, приближается скорый поезд «Санкт-Петербург – Хельсинки». Состав пройдет по первому пути без остановки».

«Анна Каренина! Самоубийца!» – ужаснулась я. Вывернув плечи, я скинула рюкзак с ведерком и в два прыжка оказалась рядом с несчастной. Я обхватила женщину руками, сцепив их вокруг ее сухощавой фигуры. Теперь циркачка не смогла бы передвинуться к роковому месту над скоростной магистралью, но если она начнет вырываться из моих непрощенных объятий, то все-таки полетит вниз – мне ее не удержать!

Спустя минуту с ревом и грохотом под нами промчался скорый поезд – округлые поверхности крыш вагонов промелькнули под виадуком и скрылись. Снова внизу поблескивали сталью рельсы главного пути.

– Вы кто? – Циркачка пришла в себя, вполоборота повернула голову и попыталась посмотреть на меня.

Ее лицо оказалось рядом с моими глазами: набрякшие веки под лысоватыми бровями, отеки под глазами, курносый нос и глубокая носогубная складка. Этой пожившей изможденной женщине было хорошо за сорок лет. Я улыбнулась ей, чуть ослабила объятия и заботливо спросила:

– Вы можете перелезть обратно на мост? Так нам не слишком удобно разговаривать.

– Уберите руки, тогда перелезу! – Голос женщины был хрипловатым, но тон оказался задиристым, как у подростка. И ни малейшей благодарности за спасение в этом тоне и голосе не звучало.

Я осторожно отпустила женщину, отойдя на шаг назад.

Она довольно ловко повернулась вокруг своей оси, перекинула ногу через ограждение, опираясь животом на перила, затем другую – будто и впрямь была циркачкой или спортсменкой. Так не вязалась ее ловкость со столь солидным возрастом.

Вернувшись на безопасную поверхность, женщина села на корточки, прислонившись спиной к ограждению, и, обхватив голову руками, заплакала. Я в нерешительности постояла рядом, потом отошла к своей поклаже: надела рюкзак, взяла корзину с грибами и вернулась к спасенной мною женщине. Мягко коснулась ее плеча и как можно более спокойно и доброжелательно сказала:

– А пойдемте вниз. Вы мне все расскажете, если захотите.

Женщина подняла голову, молча посмотрела на меня и резво вскочила на ноги, снова удивив меня крепкой физической формой.

Пройдя виадук, мы спустились по лестнице на нужную платформу. Выбрав чистую скамью, уселись. Так и сидели, молчали, углубленные каждая в свои думы.

– Как вас зовут? – наконец первой спросила я и, раскрыв ведерко с черникой, предложила женщине угоститься ягодами.

Она равнодушно взяла ягодку и отправила ее в рот – всего одну! Представилась:

– Тоня.

– Тоня?! – ахнула я. – А полностью – Антонина?

– Да...

Я не смогла сдержать удивление. Это имя, которое так редко дают сейчас детям, было и у меня. Папа настоял, чтобы так назвали дочь, отдав дань памяти его матери, моей бабушке. Мама не стала перечить, но дома называла меня Анютой. То, что мы с этой опустившейся женщиной, потенциальной самоубийцей, оказались тезками, показалось мне недобрым предзнаменованием, хотя опасаться сейчас мне было нечего и некого. Я тоже назвалась:

– А меня зовут Анюта.

Тоня продолжала клевать чернику по ягодке, но по мере того, как она отходила от происхождения, аппетит ее возрастал. Сейчас она набирала уже маленькие горсточки, и ягоды окрашивали ее губы синевой.

Слово за словом она рассказала, что недавно окончила профессиональное училище, получила профессию домашней медсестры.

– То есть у вас медицинское образование? – уточнила я.

– Не совсем, – покачала головой Тоня. – Я имею право работать сиделкой, нянечкой, если силы есть. Но ведь я сама инвалид! Я пробовала сидеть со старухами, но с души воротит видеть вблизи старческую немощь.

Я постеснялась спрашивать, по какой проблеме со здоровьем ей назначили инвалидность, потому что внешних признаков увечья не заметила. «Может, она умственно отсталая?» – промелькнула мысль. Хотя вряд ли – тогда бы ее не приняли в училище, связанное со здравоохранением.

– Вас, наверно, муж поддерживает? – участливо проговорила я, закидывая удочку для выуживания из Тони информации. – Или дети уже на ноги встали, помогают?

– Я живу на пособие. А мужа и детей у меня нет, не было и не будет! – Тоня снова зарыдала – так же громко, как на мосту.

На нас стали оглядываться постепенно наполняющие платформу пассажиры. Я перевела разговор на себя, призналась, что и у меня нет мужа: он скончался вскоре после черновыльскай катастрофы, потому что был ликвидатором. Сказала также, что у меня есть дочь Ира семнадцати лет. Но год назад Ира уехала учиться в Америку по межшкольному обмену, и если у нее все сложится там, то увижу ее я нескоро.

– Дочь семнадцати лет?! – Тоня перестала плакать и посмотрела на меня, буквально вытаращив глаза. – Вы родили девочку школьницей?

Не скрою, мне было приятно, что она поразилась, что у меня такая взрослая дочь, хотя я родила ее в двадцать один год, вполне нормальный для материнства возраст. Правда, я тогда еще в институте училась, а Виталий, отец Иры, был уже аспирантом. К сожалению, защитить диссертацию он так и не смог из-за семейных забот. Был бы кандидатом наук, глядишь, и не послали бы очищать Чернобыль от радиации.

Я назвала Тоне свой возраст. Она с грустью покачала головой и высказалась:

– Ну надо же, тридцать восемь, а выглядите едва на тридцать!

– Мне никто моих лет не дает! – горделиво подтвердила я.

Вдруг Тоня неожиданно повернула разговор в другую сторону:

– Что же, Анюта, вы меня не спросите, почему я хотела покончить с собой?

– Думала, что вы не захотите говорить, – пожала плечами я.

– Я и не хотела, но вы меня заставляете! – крикнула Тоня.

– Заставляю? – удивилась я. – Да я ни словом не обмолвилась, ни единого вопроса, даже намека. Понимаю ведь, как вам тяжело!

– Понимаете? – сморщилась Тоня. – А зачем стали хвалиться, что молодо выглядите?

– Разве я хвалилась? Назвала возраст, когда о дочери разговор зашел. Выдала вам свою страшную тайну. – Я попыталась шутить.

Но Тоня шутку не оценила, а, сохраняя серьезный вид, спросила:

– А сколько мне лет, вы можете сказать?

Я задумалась: сухая кожа, морщинки у губ и у глаз. Пожалуй, как я и предполагала вначале, лет сорок пять или чуть больше... Но этот чистый, полупрозрачный взгляд, как у ребенка, это подростковая дерзость. Что-то тут не вязалось. И я решительно приуменьшила цифру, казавшуюся мне правильной:

– Лет тридцать шесть, тридцать семь?

– Вот видите, – обреченно вздохнула Тоня. – И вы, как все...

– Что «как все»?

– Все дают мне больше лет, чем мне на самом деле.

– У вас, наверно, трудная жизнь была? – очень осторожно предположила я. – А кто были ваши родители?

Я поняла, что Тоне теперь хотелось высказаться, сказать о чем-то наболевшем, что и подтолкнуло ее на отчаянный шаг к самоубийству.

Но тут на платформе появился лоточник с объемистой сумкой-холодильником.

– Мороженое! Кому мороженое! – прокричал он и остановился перед нами.

Я достала деньги и купила два сливочных стаканчика: себе и Тоне.

Мороженое Тоня ела с удовольствием, облизывая языком даже упавшие на пальцы молочные капли.

Наконец подошла электричка, и мы с Тоней сели в вагон. В полупустом вагоне мы выбрали уединенную скамью в конце, и моя спутница, будто ее прорвало, начала торопливо рассказывать свою историю. Слушая ее, я одновременно разглядывала других пассажиров. Перед нами их сидело всего несколько, зато в другой части вагона – группа парней и девушек, заняв два смежных купе. Они дурачились, смеялись, сталкивали друг друга со скамеек.

Вначале я слушала Тоню невнимательно: мое внимание привлек один из парней – похожий на Есенина плечистый блондин. Держа в руках гитару, он неумело перебирал струны. В его исполнении звучали попеременно всего два аккорда, но претензий к нему ни у кого не было – видимо, виртуозов в этой группе не нашлось. И чем больше я разглядывала «Есенина», тем острее понимала, какая возрастная пропасть разделяет нас. Я вглядывалась в лицо следующего за моим поколения, остро сожалея, что я уже не должна засматриваться на таких молоденьких...

Звуки гитары и приглушенная речь Тони чередовались в моей голове, но в какой-то момент я забыла о «Есенине», проникаясь сочувствием к истории Тони. А дело было вот в чем. К двум годам Тонечки выяснилось, что у нее тяжелое генетическое заболевание гормональной природы – прогерия, которое вызывает ускоренное старение. Так что врачи посоветовали мамаше отдать девочку в специнтернат, уверяя, что она все равно долго не проживет. Мать, и без того уделявшая дочке мало внимания, согласилась избавиться от обузы, а отец был Тоне неизвестен. Сдав девочку в интернат, мамаша заключила контракт и уехала на Север, работать поварихой. Там, за полярным кругом, усугубились имевшиеся у нее проблемы с алкоголем: на Севере пили много. Это и погубило женщину. Мать Тони умерла, так и не дожив до желанных северных льгот, а девочке в тот год исполнилось девять лет. К счастью, вышла на пенсию бабушка Тони и забрала внучку из приютского учреждения, оформила опеку. Хотя пожилой возраст заявительницы вызывал у органов опеки раздумья, чаша весов склонилась в ее пользу. Бабушка жила в отдельной квартире, предоставленной ей за безупречную работу техником в ЖЭКе. Потому была вправе и внучку прописать к себе для постоянного проживания.

Тоня стала ходить в городскую школу, училась без особого блеска, однако со школьной программой справлялась. Выглядела она гадким утенком – и надежды стать в будущем прекрасным лебедем у нее не было. Ее необычная внешность (а Тоня уже и в те годы выглядела старше своих ровесников) мешала ее сближению с одноклассниками. Но поскольку Тонин характер укрепился в интернатных баталиях с раннего детства, открыто задевать ее одноклассники не смели, но и в свои игры новенькую не звали.

– Они – меня – отвергли! – сказала мне Тоня, разрубая фразу, как чурбак на поленья. – Я ведь на их фоне казалась тетенькой, выглядела старше всех.

Старела Тоня не только внешне. Да, морщины, сухость кожи, выпадение волос и бровей – все это было, но опаснее оказались внутренние поломки. Ее сосуды, пораженные преждевременным склерозом, становились ломкими, как у стариков, что грозило ранними инсультами и инфарктами. Такие больные, как Тоня, по статистике, жили в среднем не более двадцати пяти лет.

– И ничем нельзя помочь? – задала я глупый вопрос.

Тоня спокойно ответила, что болезнь неизлечима, но общее состояние можно поддерживать лекарствами.

– Мы с бабушкой шутили, что умрем в один день, и глотали одинаковые таблетки для расширения сосудов и укрепления сердца и костей.

Глаза Тони увлажнились. И в каждом слове слышалась большая любовь к бабушке. И уже совсем тихо она добавила:

– Сегодня сорок дней, как бабуля умерла.

Я погладила Тонину руку:

– Понимаю, как вам тяжело...

– И как только бабушка умерла, начальство жилконторы заявило, чтобы я освободила жилье. Квартира-то служебная, и по закону она не наследуется. Хорошо хоть сжалились, до конца года разрешили остаться, а потом и не знаю, как и быть. Мне ведь даже денег на съем комнаты не заработать!

– А вам в жилконторе не предложили в их системе поработать? – удивилась я. – Дворником, например?

– Ну что вы! Сейчас в дворники только гастарбайтеров набирают! Им ведь можно почти не платить и селить где-нибудь в подвале, – махнула рукой Тоня и продолжила свой рассказ.

Оказывается, в этом месяце Тоня заплатила из своей инвалидной пенсии за квартиру и на еду почти ничего не осталось. Тоня чувствовала себя слепым котенком, выброшенным в чуждый и непонятный ему мир.

Я не знала, чем ей помочь: ну не приглашать же к себе домой жить первую встречную девушку! И денег у меня тоже не было.

...В этот момент в вагоне появились контролеры. Женщина в железнодорожной форме прошла его сквозь и начала проверку билетов с нас, поскольку мы сидели в самом хвосте. Щёлк! – прокомпостировала она наши билеты и двинулась дальше. В середине вагона она встретила со своей напарницей – как раз там, где расположились шумные молодые люди. Музыка и пение стихли. Студенты ехали без билетов, но штраф платить отказались и требовали, чтобы их оставили в вагоне. Я прислушалась к их диалогу с контролерами. Ребята упирали на то, что трудились бесплатно для общества: собирали мусор у водоемов области. Но эти доводы на проверяющих не подействовали, и, подгоняемые контролерами, с рюкзаками, сумками, а также лопатами и граблями, молодые люди повалили к выходу. На ближайшей остановке им предстояло сойти. Я взглянула на «Есенина», когда он проходил мимо нас, – в отличие от прочих, он шел, смущенно опустив голову. Вблизи разглядела, что он был постарше других, остальные выглядели совсем желторотиками.

– Я заплачу штраф за Есенина! – неожиданно для себя воскликнула я, лихорадочно доставая из кармана куртки свой тощий кошелек.

– За кого? – удивленно переспросила контролер.

Я покраснела. Со мной такого прежде не случалось, чтобы подсознательные мысли бесконтрольно озвучивались. Я приклеила парню кличку «Есенин» и сама поверила, что его так зовут. Пришлось поспешно уточнить:

– Вон за этого парня, с гитарой.

Толпа молодежи остановилась. Некоторые с любопытством заглядывали уже из тамбура.

– И как вы себе это представляете? – гордо распрямив широкие плечи, спросил симпатичный мне безбилетник. – Все ребята на платформу, а я один дальше покачу?

Контролеры нетерпеливо поинтересовались:

– Ну что, гражданка, будете платить штраф за гитариста? А то мы уже к станции подъезжаем.

– Оставайтесь! У вас же багаж тяжелый... – все так же краснея, я попыталась уговорить парня.

– Макс, ты с нами? – позвал чей-то нетерпеливый голос.

– Да что вы, девушка, в самом деле, ко мне прицепились! – уже совсем грубо бросил мне «Есенин». – Ребята, выходим все вместе!

За окном уже замедляла движение асфальтовая лента платформы. Электричка остановилась. Парни с граблями и лопатами наперевес, будто с ружьями, высыпали наружу.

Стало быть, его зовут Макс. Но я для него останусь навсегда безымянной девушкой...

Тут же послышался протяжный железнодорожный свисток, поезд тронулся. И наш разговор с Тоней возобновился. Поскольку моя рука все еще сжимала кошелек, я снова вспомнила о жалобах Тони на безденежье.

Я вынула из кошелька все деньги, пересчитала их и покачала головой. Ну и дурища, совсем забыла, что потратилась на билет и на мороженое! На оплату штрафа точно бы не хватило! Хороша бы я была, если бы парень согласился на мою помощь! В растерянности я протянула оставшуюся мелочь Тоне – пусть хоть раз как следует пообедает!

– Вот все, что есть, – пояснила я. – Возьмите, Тонечка.

– Вы такая добрая: и волонтеру пытаетесь помочь, и мне вот последние деньги отдаете! – изумилась Тоня.

Я небрежно повела плечом, будто у меня дома под матрасом лежали миллионы. Увы, у меня не было денег, но помогая другим своими копейками, я чувствовала себя благополучным человеком.

А Тоня свой дифирамб завершила неожиданным выводом:

– Мне кажется, что моя бабуля прислала вас на тот виадук, чтобы спасти меня.

– Может, и так, – не слишком веря в такое предположение, согласилась я. – А давай на «ты» перейдем, не против?

– Мне не очень удобно, ведь вы совсем взрослая. Хотя я тоже выгляжу взрослой и даже старше вас, – вздохнула Тоня.

Мы уже проехали большую часть пути, и после главного признания о неизлечимой и редкой болезни мою спутницу отпустило напряжение. А когда мы уже почти подъехали к городу, она сказала фразу, зацепившую меня:

– Врачи бабушке говорили, что дольше двадцати пяти лет я не проживу, а мне уже двадцать два. Даже до тридцати дожить – для меня несбыточная мечта. Но если еще поживу сколько-то... Я и сейчас выгляжу на сорок, но, раз такая судьба, хотелось бы не только выглядеть, но и обжиться тогда в этом возрасте. Ведь близких людей, которые меня хорошо знают и общаются нормально, то есть как с молоденькой девушкой, почти не осталось – разве что соседи по подъезду. А случайные знакомые, когда узнают о моем возрасте, никак не воспринимают: ни молодой, ни старой. Они глазят на меня, как на урод. А мне же на работу надо устраиваться, но там нужно показать паспорт. Вот как на меня посмотрят, как сравнят с паспортом, так и не берут – потому что сравнивают год рождения, мою фотографию в шестнадцать лет и мой внешний вид. Я же с шестнадцати лет о-го-го как постарела... Сразу думают, что я какая-то пьянчужка, раз так старо выгляжу.

Я подумала о себе. Симметричная ситуация: вид, как у тридцатилетней, а по паспорту – тридцать восемь, и тоже на хорошую работу не берут. Мелькнула шальная мысль: если бы мы могли поменяться паспортами! И тут, как будто прочитав это чудовищное предложение в моих мыслях, моя спутница громко вздохнула:

– Если бы мы могли поменяться паспортами!

Тут я не выдержала и призналась в редкостном совпадении имен:

– Кстати, я ведь тоже Антонина по паспорту, просто меня называют Анютой, потому что мне так больше нравится!

Этим признанием я открыла шлюз для фантазий Тонечки! Она затараторила, представляя, как жила бы со своим паспортом. Но я, будучи взрослой женщиной, понимала, что обмен паспортами не решит всех проблем, а только породит новые. Кроме паспорта есть еще дипломы, удостоверения, прописка и вопрос с жилплощадью. Поэтому я решительно прервала разговор: у этой фантазии не было реалистичной основы! Однако мы с Тоней решили продлить знакомство, договорившись вместе съездить еще раз в лес за грибами, поэтому обменялись телефонами.

2

В субботу я сидела дома и работала: редактировала финансовый отчет банка – эту работу мне подкинул Борис Николаевич Сухарев. Редактировала я не цифры, а пояснительный текст.

О Борисе Николаевиче нужно прояснить многое и сразу. Прежде мы работали с этим человеком в одном НИИ, я патентоведом в отделе информации, он научным сотрудником, имел степень кандидата экономических наук. Но если я, протянув до последнего, дождалась, что наш институт закрыли, то Б.Н., как я его частенько называла, ушел сам, как только распался СССР. Стал специалистом по защите информации в одном из банков и являлся самым богатым человеком из моего окружения.

Б.Н. был женат, но любил хорошеньких женщин. Он улыбался им, дарил небольшие милые презенты, не обошел своим вниманием и меня. Особенно настойчиво стал ухаживать, когда я овдовела. На мое счастье, Б.Н. вскоре уволился из НИИ, и мы почти не встречались. Лишь иногда он приходил в нашу библиотеку и в отдел информации, где я продолжала работать. Приходил всегда с цветами или с коробкой конфет. Какое-то время я держала осаду, все свои силы уделяя воспитанию дочки. Но однажды, когда Ира уехала в летний лагерь, барьер рухнул, как плотина в половодье, – грешные желания вырвались из-под моего контроля! И между мной и Борисом Николаевичем случилось то, что случилось. В те дни и его жена с сыном находились на даче, так что помех не возникало. Как только он начал захаивать ко мне в гости, я поняла, что без мужчины много лет была точно полувялое растение на подоконнике – да-да, такой вот стойкий кактус, который живет почти без полива. Однако и кактусу требовалась живительная влага, и Борис одаривал меня ею. Зная, что он женат, я не требовала больше, чем он мог мне дать: не настаивала на его разводе, не просила узаконить наши отношения. Я была взрослой женщиной и знала, на что шла. А любые чувства гасила в зародыше.

О разводе с женой любил поговорить сам Борис, когда ему казалось, что я начинаю отдаляться от него. Он жаловался на неудавшуюся семейную жизнь, намекал на измены жены. Но разводу мешали разные обстоятельства: сын-школьник отбил от рук, неприятности у жены на работе, нездоровье тещи. Я запрещала себе думать на эту тему. Но время шло, и мой засохший кактус, орошаемый свежими соками чувств и эмоций, ожил, выстрелив ярко-розовым цветком надежды. Поэтому через год нашей порочной связи – в то время Борис уже снял отдельную квартиру для тайных встреч – я все-таки поставила вопрос ребром: или он там, в старой семье, или здесь, со мной.

Не знаю, любила ли я Бориса тогда, однако смогла убедить себя, что люблю. Но чувство мое было ровным и спокойным, как огонек церковной свечи. Борис Николаевич обладал несомненными достоинствами: был старше меня на пять лет, умен и весьма обеспечен, поскольку работал в сфере финансов. Борис Николаевич, как и его знаменитый тезка, тогдашний президент нашей страны, имел статную фигуру и даже похожий приплюснутый нос. Но в отличие от президента у него не было пышной седой шевелюры, волосы Бориса изрядно поредели, так что, маскируя залысины, он стригся под машинку, почти наголо.

Борис не принял всерьез мой ультиматум: думал, что побунтую и забуду! Но я решила разрубить этот узел. Я была достаточно молода и еще надеялась построить настоящую семью и даже родить от предполагаемого мужа ребенка. А однажды под утро мне даже приснился жуткий сон. Во сне мы вместе с Борей купали в тазу фантастически мелкого ребенка – совсем крошечного, размером с чайную ложку. Я очень боялась, что крохотуля выскользнет из моих рук, поскольку он уменьшался с каждым мгновением, одновременно превращаясь в зеленый стручок. Когда из него посыпались мелкие горошины, я проснулась. Открыв глаза, я осознала всю бесперспективность наших с Б.Н. отношений, и решение пришло мгновенно: надо сегодня

же ставить точку. Но прежде, чем озвучить свое решение, я набросила одеяло на голову Бориса – он тоже, вероятно, недавно проснулся и еще пребывал в утренней неге. Белый пододеяльник накрыл лицо Бориса будто саваном. «Этот мужчина умер для меня», – подумала я, а вслух буднично объявила о своем уходе:

– Боря, сегодня я была с тобой последнюю ночь. Больше я не приду в эту квартиру.

Он запутался в одеяле, стаскивая его с головы, наконец освободил лицо и тревожно спросил:

– Анюта, ты пошутила?

– Какие шутки, Боренька, игра окончена, – сказала я. – Больше я не желаю исполнять роль любовницы! Или я стану твоей женой, или совершенно посторонней женщиной!

Не дожидаясь реакции Б.Н., я выпрыгнула из постели и босиком побежала в ванную.

– Анюта, остановись, не уходи! – донеслось мне вслед.

В голосе Б.Н. звучали такие трагические нотки, будто я юркнула не в ванную, а прямо так, голышом, выскочила на оживленный бульвар. Дальнейшие его слова я не слышала из-за шума льющейся воды. Я приняла душ и, посвежевшая после бурной ночи и скверного сна, вернулась в комнату.

За четверть часа, что меня не было, Борис окончательно проснулся и даже выработал план действий на будущее.

– Анюта, подожди чуток, – попросил он, глядя мне в глаза. – Вот окончит мой сорванец школу, и, клянусь, мы с тобой будем вместе.

– Когда это случится! Через десять лет?

– Ну что ты! – замотал головой Б.Н. – Он уже в шестом классе.

– Я не могу ждать несколько, – ответила я. – Ведь мне далеко за тридцать, а я хочу успеть родить ребенка. Желательно от тебя. Ты подумал, что мои возможности для материнства не бесконечны?

– Какого ребенка? – искренне изумился Б.Н. – Ты собираешься еще кого-то рожать? У тебя же есть дочь!

Я не стала объяснять ему, зачем мне нужен еще один ребенок. А ситуация была простая: рано став мамой, я не успела насладиться материнством в полной мере. Зачеты, семинары, экзамены – маленькая дочка вечно становилась помехой! А если я рожу теперь, то все будет иначе: я стану ценить каждый миг общения с младенцем. Но родить ребенка я хотела в полной семье, чтобы у него были мама и папа.

– Не удерживай меня, Боря. Пойми, каково быть все время третьей лишней! – перед тем как захлопнуть дверь, сказала я. Поцеловала Бориса в щеку и покинула наш тайный приют – уверенная, что навсегда.

Но через несколько дней Борис позвонил и сказал, что обдумал мои слова о ребенке и пришел к выводу, что тоже готов еще раз стать отцом. Ведь сын его подрос, уже начал отдаляться от отца, и Борис тоже чувствует, что детства этого ребенка почти не застал. И завершил он свою речь словами:

– Хочешь рожать, Анюта, рожай!

– Ты тоже хочешь этого? – Сердце мое выпрыгивало от радости, но я сразу напомнила Боре о своем условии. – А ты не забыл, что быть матерью-одиночкой я не собираюсь?! Сейчас такое трудное время, и мне уже не двадцать пять лет, чтобы работать на трех работах!

– Обсудим, – снова подал мне надежду Борис.

Через неделю опять состоялось свидание в нашей съемной квартирке, где Борис поделился своими планами на реализацию этого, как он сказал «проекта». Он подтвердил, что хочет еще одного ребенка, и хочет его от меня, а также понимает, что допустимый возраст материнства у меня подбирается к верхней планке. Потому в ближайшее время вопрос будет решен.

Борис Николаевич и в личных отношениях порой изъяснялся будто на собрании у себя в банке, но я уже привыкла к его деловитости и не обижалась.

– Ты решил развестись с женой? – не веря своим ушам, спросила я.

– Я, безусловно, разведусь с ней, Анюта, и в ближайшем времени, – ответил Б.Н. – Я не стану ждать, пока парень окончит школу. Но сейчас имеется маленькая закавыка: мы затеяли с Мариной общий бизнес по доставке в Россию медицинского оборудования. Я же тебе говорил, что банк, где я работаю, очень ненадежен, – и к тому же нельзя класть все яйца в одну корзину. Но я заработал кругленькую сумму и хочу использовать ее с толком. Марина ведь работает в государственной больнице, и у нее хорошие связи в медицинском мире. Мы с ней только учредим фирму, запустим пробный шар, а позже разделим наши акции. – Борис посмотрел на меня с хитрецей, как будто готовился преподнести сюрприз. И он преподнес его. – Я тут разузнал у знакомых медиков: можем сейчас зачать ребенка, а родим его, когда устранятся все мешающие обстоятельства.

– Не понимаю, это как? – Глаза у меня полезли на лоб. – Вроде гомункулуса в пробирке, как у средневековых алхимиков?

Я вспомнила недельной давности свой сон о ребенке размером с ложечку. Вот, значит, как он толковался!

В то время в нашей стране про искусственное оплодотворение еще разговоров не велось, а если и доходила какая-то информация, то в разделах «чудеса за рубежом». Борис спокойно объяснил, что это все не такая уж и фантастика и что в развитых странах эти технологии уже внедряются в жизнь.

– Специалисты мне объяснили, что мы можем поехать в Германию и там все сделать. Ты отдашь яйцеклетку, а я – свой сперматозоид на ее оплодотворение. После чего нашего эмбриончика усыпят, заморозят в криокамере в азоте, и будет он там дожидаться лучших времен, пока мама с папой не вызволят его из морозильника.

Борис назвал и место, куда мы поедem. Это оказался маленький городок под Ганновером – Бад-Мюндер, где он забронировал отель и созвонился с клиникой. Поначалу вся эта затея показалась мне невероятной и сложной, ведь нам, возможно, придется слетать в эту клинику несколько раз.

– Представляешь, Анюта, как нам будет хорошо там: тишина, красота, чистота кругом. Шикарные апартаменты, утопающий в зелени городок – и никто нас не знает. Будем жить, как супруги. И сотворим нашего малыша.

– А жене ты что скажешь? – с ехидцей спросила я.

– Скажу, что мне надо подлечиться, – ответил Б.Н. – Или что поеду укреплять деловые связи с немцами. Она во что угодно поверит, лишь бы я был формально с ней, пока мы раскручиваем новый бизнес.

Предложение было очень необычным, но я согласилась. Ведь я ничего не теряю: все услуги оплатит Б.Н., а я в перспективе смогу родить здорового малыша – и заморозкой этого самого эмбриончика я как бы открываю депозитный вклад с обещанием хороших процентов. Но выплатят их не сразу, а через год-другой – и призом станет желанный ребенок!

Мы совершили за год три поездки и получили нужный результат: нам провели и обследование, и стимуляцию, и заморозку эмбриона. Так что год назад мы уже стали потенциальными родителями. Правда, пришлось пойти на некоторые ухищрения, чтобы обойти закон в Германии, по которому подобные процедуры возможны только для супружеских пар, но Борис нашел обходные пути. Он всегда умел их найти. А стать истинными родителями мы наметили на конец тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Борис надеялся решить вопрос с разводом, а моя дочь должна была окончить школу и уехать учиться за границу. Кстати, американский образовательный грант ей помог найти тоже Борис!

После процедуры зачатия наши с Б.Н. отношения, естественно, продолжились. Теперь я уже не сомневалась, что мы скоро поженимся или хотя бы станем жить одной семьей. Но время шло, а положение не менялось. Изменилось лишь место наших встреч: когда дочка уехала на учебу, то надобность в съемной квартире отпала и Борис навещался теперь ко мне домой. И все же мой почти муж оставался приходящим гостем, а жить продолжал в своей семье. Но, по его словам, и дома он бывал редко, отдавая все время работе. В последние недели банк все время сотрясали какие-то конфликты, потери, угрозы. Так что новый бизнес, раскручиваемый Борисом вместе с женой, требовал от них все больше внимания и сил. Теперь мне впору было ревновать Бориса к работе: он появлялся у меня все реже и реже. И наконец заявил, что у него сейчас нет времени на шашни со мной и я должна отпустить его.

Слово «шашни» меня очень разозлило. Я вскипела от возмущения и выплеснула в лицо Борису все накопившиеся обиды. Особенно обидно и больно мне было за его бессмысленную идею создать и заморозить общий эмбрион. Если он не собирался на мне жениться, то для чего все это надо было делать? Непонятно... В очередной раз мои иллюзии разлетелись, как мелкий сор, гонимый ветром равнодушия моего сожителя.

Зиму и весну я жила автономно и совершенно независимо, на кустах в парке приоткрылись сизо-зеленые почки, я почувствовала, что окончательно выздоровела от любовного недуга, как говорили в старину. Я даже начала замечать на улице мужчин, бросающих на меня заинтересованные взгляды. Но в начале лета меня сократили на работе, и я оказалась на бирже труда. Без толку помыкавшись в поисках нового места, я решила попросить помощи у Бориса, ведь он всегда был опутан паутиной нужных связей. Позвонила бывшему любовнику, описала свою ситуацию, спросила, не найдется ли у них в банке для меня какая-нибудь работенка, хотя бы секретаршей. Он холодно ответил, что вакансий у него нет и не предвидится, но что он готов иногда давать мне разовые подработки: переводы и редактирование.

С той поры наши встречи возобновились. Вначале они носили исключительно деловой характер: я делала для Бориса работу, он ее довольно щедро оплачивал. Но скоро все вернулось на круги своя, и теперь мы общались не только за письменным столом, но и в моей спальне...

В тот день, отредактировав несколько страниц скучнейшего отчета, я пошла на кухню, чтобы проверить, как варится гречневая каша. Чуть не опоздала: она уже слегка пригорела на дне и начала источать запах гари. С отъездом Иришки я совсем разленилась как хозяйка, довольствуясь самой простой едой вроде каши. Да и с деньгами у меня было негусто.

Я наложила себе полтарелки пышущей жаром гречи, подлила молока и включила телевизор – с ним веселее обедать, когда живешь одна. И тут в новостях объявили, что правительство объявило дефолт. Доллар подорожал в три раза: стоил шесть рублей, а теперь стал почти двадцать! Я сразу подумала о новом бизнесе Бориса, а ну как теперь он прогорит! Порадовалась за себя: мне-то доллары не нужны, все мои деньги до последней копейки уходили на квартплату и питание. Я почувствовала этот дефолт позже, когда вслед за подорожанием доллара стали стремительно дорожать и продукты, но в тот момент меня охватило беспокойство за бизнес Бориса (а значит, и за мою подработку).

Диктор телевидения говорил о каких-то векселях, о ГКО – государственных облигациях, о спекуляциях на финансовой бирже. А я продолжала думать о делах Бориса: вдруг он тоже соблазнился финансовой игрой и продулся?

Едва я отправила первую ложку каши в рот, как задребезжал телефонный аппарат. Чуть не подавившись, я кое-как проглотила кашу, схватила с рычага трубку, лежащую над круглым телефонным диском, – и услышала густой бас моего банкира:

– Анюта, ты дома? Я сейчас подъеду.

– Что случилось, Боря? – встревожилась я. – Ты слышал новость про обрушение курса рубля? Тебя эта история как-то коснулась?

– Новость новостью, но дело не только в ней, – навел тумана Б. Н. – Про свои дела я расскажу тебе при встрече. А пока везу тебе очередную халтурку. Срочная!

Я торопливо доела гречку и пошла одеваться-прихорашиваться к его приезду. Выбор у меня был невелик. Половину вешалки занимала одежда с нелепыми широкими плечами – такое носили в начале девяностых, когда у меня было достаточно денег на покупку обновок. Но сейчас в этом ходить было уже нельзя – оно безнадежно вышло из моды и смотрелось карикатурно. Из приличного у меня был только темно-синий деловой костюм: приталенный пиджак и обтягивающая юбка, в нем еще зимой я ходила на работу. Однако сейчас сидеть в нем дома, поджидая мужчину, было бы просто смешно. Так что оставался единственный вариант – платье на узких бретельках, обтягивающее, с ярким принтом. Оно было куплено прошлой весной для поездки с Борисом в Египет. Наша поездка тогда не состоялась, потому что Б.Н. не смог вырваться с работы, а платье при нашем прохладном питерском лете оказалось невостребованным. Но надеть его дома в середине августа – в самый раз! Так что Б.Н. я встречала в обновке, подкрашенная и на каблуках.

Б.Н. приехал через полчаса, деликатно коснулся моей руки, поцеловал ее, не забыв сделать комплимент:

– Платье – просто шик! Ты в нем совсем как девочка! Надеюсь, и рабочий тонус тоже на высоте?

От гречневой каши Борис отказался и сразу приступил к деловому разговору, предложив пройти в мой кабинет, как он называл комнату Иры, где на рабочем столе стоял мой компьютер.

Оглядев разбросанные вокруг компьютера бумаги, Б.Н. поинтересовался:

– А в Excel ты работать научилась? Проходят Excel на курсах?

– Да так, чуть-чуть, – пожалала плечами я.

– Ну и ладно, – кивнул Борис, – я дам тебе задание таблицу составить, так что освоишь его на деле!

– Может, теперь меня и в банк к себестроишь? – снова вернулась я к теме работы.

– В банк? – усмехнулся Б.Н. – Теперь уж точно не пристрою: развалился наш банк! Он ведь держался на процентах к векселям и этим ГКО, а теперь мы банкроты.

– Я слышала сегодня по радио, но не думала, что так все серьезно, – сказала я. – Ваши вкладчики тоже своих денег лишатся?

– Все возможно, – отмахнулся Борис. – Но вкладчики меня сейчас меньше всего заботят, надо свои дела обмозговать.

– А вкладчиков совсем не жалко?

– Ну что ты как ребенок: жалко, не жалко! – недовольно воскликнул Борис. – Тут финансовые империи рушатся, а ты о каких-то неведомых вкладчиках печешься! Много ли у каждого из них на счете-то? Так, по мелочи!

– Как ты можешь с таким пренебрежением о людях говорить! – ахнула я.

– Анюта, не надо только читать мне мораль, – поставил перед моим лицом ладонь Борис. – Потери у населения неизбежны в такие кризисы, но ты же знаешь, что твой Боря – умница?!

– Как же, как же! Кандидат наук, без пяти минут доктор!

– И не иронизируй, моя девочка. Да, кандидат наук и такие потрясения прогнозировать могу. Я как свою фирму весной основал, так сразу начал выводить активы из банка. Теперь, когда доллар так вырос, вырос и мой капитал, ведь деньги уже были вложены в немецкое оборудование. И Марина, женушка, успела свести нас с нужными людьми в комитете здравоохранения! Комитет и оплатил покупку аппаратуры для городских больниц.

– Ты и приехал ко мне своей ловкостью поделиться? – фыркнула я.

Казалось бы, я должна радоваться, что мой мужчина так ловко увернулся от секиры дефолта, но мне было почему-то неприятно, что его счастье строится на потерях других людей.

Б.Н., не обращая внимания на мои подколы, достал папку с рекламными проспектами. Среди убористого текста каталога выделялись красивые фотографии переносных приборов и стационарной медицинской аппаратуры.

– Здесь текст на немецком языке, – сказал Борис. – Надо срочно его перевести, а потом сделать выборку цен по каждому техническому параметру и составить таблицу.

Я взяла глянцевого листы, их была целая стопка, и некоторые – совсем без иллюстраций.

– К какому дню?

– К понедельнику.

– Почему такая спешка?

– Сейчас такая бойня начнется с этим дефолтом, люди будут пытаться спасти хоть часть денег, на средства банка могут наложить арест. Так что я сегодня подал заявление на увольнение. И собираюсь на той неделе лететь в Германию: и от греха подальше, и к контракту поближе. Надо скорее заработанные деньги в оборот пускать!

– Заработанные деньги?! Это вы так на обмане вкладчиков обогатились! – снова усмехнулась я.

– Анюта, – улыбнулся Борис, совершенно не обидившись на мой выпад, – знаешь главный закон капитала? «Первый миллион» чистым не бывает! Мы никого не обманывали, эти простофили сами деньги к нам в банк несли, все гнались за высокими процентами, а оказались у разбитого корыта! Народ любит халявные денежки, но мозгами пошевелить не умеет!

Я не стала спорить и предложила поконкретнее обрисовать мне задачи.

Когда с делами было покончено, мы оставили бумаги на столе и переместились в спальню. Борис снова стал мягок и нежен – ведь перед ним призывно белела простыня у откинутого уголка одеяла! За последние два месяца я смирилась с тем, что такова моя судьба – быть лишь «женой на час».

Медленно раздеваясь, как японская кукла-робот, я все же задала Борису еще один вопрос:

– Боря, ты сказал, что на покупателей тебя вывела Марина? Значит, ее роль в новой фирме велика?

– Ну да, Марина входит в число соучредителей, – признался Б.Н. – А как мне без нее? Без посредников в Смольном ни к одному главврачу не сунешься!

Я убедилась, что теперь – уже стопроцентно – Б.Н. не станет разводиться со своей женой. Деньги скрепляют брак крепче, чем любовь!

Смахнув слезу, я отвернулась, бессмысленно наглаживая ладонью белоснежный пододеяльник.

Но Б.Н. умел поднять настроение! Он рассмешил меня новым анекдотом, пожаловался на какой-то прыщик на своей попе, потом принялся раздевать меня. Снял через голову мое невесомое платье, чуть, правда, поспешно, а потому резковато – едва не оторвал ляпочки. Затем принялся за мелкие детали моего туалета. Но если мозги у него работали замечательно, то руки были неуклюжи, а пальцы бесчувственны. Б.Н. оторвал крючок на моем лифчике, помогая его расстегнуть; уронил на пол мои трусики и тут же неловко наступил на них; наконец так сильно дернул «молнию» на своих брюках, что сломал замочек. Это сочетание светского поведения при публичном ухаживании и проявление криворукости в интимной сфере давно поражало меня. Я догадывалась, что при близком общении с Борисом всем женщинам приходилось играть роль первой скрипки, вести его в любовном танце, но сегодня я была не женщиной, а куклой, и это затрудняло процесс. Однако не все было так безнадежно. Помимо воли я ожила от прикосновения даже его неуклюжих рук к моей груди и стала с увлечением дирижировать нашим дуэтом. И если полчаса назад Борис еще был безразличен мне, то теперь я страстно желала его. Наши объятия становились все теснее, а дыхание жарче. И вот уже в едином ритме мы исполняли безумный брейк-данс...

Вечером Б.Н. ушел, а я села за работу. Перевела две страницы каталога, изредка заглядывая в словарь. Уровень владения немецким языком был у меня средним, но для письменного перевода годился. Работа оказалась несложной, но весьма трудоемкой. Хотя если плотно посидеть сегодня и завтра, то я вполне могла успеть к понедельнику.

3

В то лето круг моего общения сильно сузился: стабильной работы нет, лучшие подруги, устраивая личную жизнь, уехали за границу, Борис тоже не баловал своими посещениями. Единственное место, где я была среди людей, – курсы секретарей-референтов, куда меня послали учиться от биржи труда. Но близкими знакомыми я и там не обзавелась, имея единственную цель: приобрести новые навыки и умения. И в этом я преуспела: в конце августа вместе с другими учащимися сдала на курсах выпускные зачеты! Дипломы нам обещали выдать на следующий день, но из-за отсутствия бланков выдачу дипломов задержали. Позже эта заминка показалась мне судьбоносной, ведь благодаря ей я свернула на новую колею.

Компенсируя канцелярские неурядицы, администрация курсов организовала для выпускников встречу с представителями предприятий. Ради встречи я надела свой единственный строгий темно-синий костюм. И думаю, что это была роковая ошибка! Во-первых, день выдался неожиданно жарким для конца августа, и я обливалась потом, будто попала в сауну одетой. Во-вторых, он придавал мне более взрослый вид, чем моим девочкам-сокурсницам, а большинство из них и так были сильно моложе меня. И едва я поднимала руку, откликаясь на какую-то вакансию, как предлагающий ее человек, бегло взглянув на меня, отводил глаза и отказывал, ссылаясь на какую-то невнятицу. А некоторые зазывали так прямо и объявляли, что им требуются девушки до тридцати лет! Всего перед нами выступили около десяти работодателей.

Когда общая часть собрания закончилась и многие девочки столпились у столиков с важными гостями, я, понуря голову, вышла из класса. Мне совсем не хотелось толкаться среди молоденьких. Возвращаясь домой, я убеждала себя, что все наладится, однако настроение мое было на нуле. Никто из работодателей не спросил, где я работала прежде, какое у меня имеется образование, для всех главным достоинством являлся возраст соискательницы: старше тридцати лет – пошла прочь!

Выйдя из метро, я привычно свернула в сторону своего дома. Я вышагивала по широкому бульвару, и напряжение дня постепенно отпускало меня, как отпускает вожжи никуда не торопящийся возница. Августовский день продолжал одаривать теплом – я расстегнула пиджак, и легкий ветерок обдувал сквозь тонкую ткань блузки мое разгоряченное тело. Ласковый воздушный поток приглушил мою душевную боль, хотя мир вокруг меня по-прежнему казался тусклым. Листья на деревьях утратили свежесть, сменив яркую зелень лета на блеклую припыленность осени. Стоящие вдоль аллеи скамьи тоже казались грязными. Их выкрашенные весной белые рейки посерели от выхлопных газов проносящихся мимо машин, а вокруг урн валялись брошенные мимо окурки и пивные банки.

Перейдя проезжую часть, я вышла на дорожку, ведущую к моему подъезду. И тут заметила на лавке, где обычно обитали пенсионерки, Тоню! Обхватив себя руками, она сидела на самом краешке, прямая и напряженная, как статуя. В отличие от нашей первой встречи на мосту сегодня Тоня выглядела моложе и привлекательнее: джинсы, белый топик, обтягивающий упругие груди, нарядные туфли-балетки с бантиками.

– Анюта! – Тоня тоже заметила меня. – А я тебя здесь уже два часа жду! Выезжала из дома – солнце жарило, я и оделась совсем легко, но пока тут сидела, даже зябнуть начала!

Хрипловатый голос Тони оживил в моей памяти единственную встречу с ней, но совершенно меня не обрадовал.

– А что случилось? – довольно резко спросила я. – И почему ты не позвонила, не предупредила, что хочешь встретиться?

За две с лишним недели, прошедшие после нашей встречи на железнодорожной станции, Тоня звонила мне всего один раз, предлагала снова поехать за грибами, но зачеты на курсах да

срочные переводы для Б.Н. не оставляли мне свободного времени. А сейчас она оправдывалась тем, что не любит звонить, да и разговор у нее не телефонный.

– Анюта, у меня к тебе срочное дело! – широко раскрыв глаза, выпалила Тоня.

– Хорошо, – оглянувшись, кивнула я. – Поднимемся ко мне в квартиру, там поговорим.

Мы вошли в лифт, и я нажала кнопку двенадцатого этажа. В кабине я разглядела Тоню внимательнее: ее лицо, в прошлый раз абсолютно бесцветное, сегодня уже не пугало землистым оттенком, Тоня покрыла его тональным кремом и потому казалась загорелой. Подкрасила она и ресницы, и губы. Правильные черты лица, приятная улыбка – несмотря на то что при улыбке вместе с желтоватыми, но ровными зубами у нее обнажалась и десна. Однако морщины, явно обозначенные у рта и вокруг глаз, усохшие губы, которым даже яркая помада не могла добавить объема, придавали ей старообразный вид, и с этим ничего нельзя было поделать.

Гостя быстро освоилась в моей квартире! Я видела, как загорелись и помолодели затуманенные глаза Тони, когда она рассматривала просторную кухню, две комнаты с частично обновленной мебелью. Шкаф-стеллаж новейшей модели с широкой полкой для большого телевизора я купила перед самым увольнением, только новый телевизор купить не успела, хотя и собиралась. А с моего балкона, с двенадцатого этажа, открывался вид на весь город.

Я представляла сейчас свою квартиру Тониными глазами. Спасибо папочке! Это ему, тогда преподавателю университета, выделили когда-то такое замечательное жилье! Хотя было время, когда нам жилось здесь тесновато: мама с папой занимали одну комнату, а я с мужем Виталиком другую. Потом родилась Ириша – и впятером в нашей двушке нам стало совсем невмоготу. Начались ссоры, непонимание, обиды. Вероятно, мы бы постарались разъехаться, но Высший промысел сам решил мой жилищный вопрос: в короткий промежуток один за другим ушли из жизни и мой муж, и мои папа с мамой. А теперь, с отъездом дочки в Америку, я и вовсе осталась единственной хозяйкой этой квартиры.

Проведя Тоню по комнатам, я пригласила ее на кухню, традиционно и столовую. Угостила рыбным супом из дешевого минтая – обычно этот сорт люди покупали для кошек, когда еще отсутствовал готовый корм. Мы говорили о разном, но Тоня все тянула со своей просьбой, о которой заикнулась еще на улице. Пришлось мне вытягивать из нее, зачем пришла.

И Тоня решилась. Голосом еще более низким, чем обычно, она сказала:

– Я нашла работу. Мне поверили!

– Поверили чему?

– Ну что ты – это я! Сказала, что мне тридцать восемь лет. Что работала патентоведом в НИИ...

– Патентоведом, – поправила я.

– Ну да. И что попала под сокращение штатов – все как ты мне рассказывала. И хозяйка меня согласилась взять!

– Что за работа, Тонь? – спросила я. – Объясни толком. И почему тебе понадобилось моей биографией прикрываться?

– Работа нетрудная, гардеробщицей в кафе у метро «Технологический институт», – с воодушевлением сообщила Тоня. – Сказали, что посетители – студенты из вузов, там же целых три института. Что они сами будут вешать свои пальто на вешалку, а я так – для присмотра!

– С этой работой ты обязательно справишься, Тонечка! – уверила я.

– Так я и говорю, Анюта, дай, пожалуйста, мне твой паспорт и трудовую книжку на несколько дней, – деловито проговорила Таня. – Хозяйка велела завтра уже с документами приходить. Ты же обещала...

– Что обещала? – спросила я и тут же подавилась рыбной косточкой.

– Что мы обменяемся паспортами и возрастом. Тогда – в поезде.

– Нет, Тоня, это невозможно, – откашлявшись, отрезала я.

Ну да, мы с Тоней фантазировали по поводу обмена документами, но это были просто фантазии. Позже, обдумав все серьезно, я решила отказаться от этой авантюры. Что я приобрету, взяв себе Тонин паспорт? Только уменьшу возраст, а в остальном одни потери! Вместо моего университетского диплома ее свидетельство об окончании ПТУ. И трудовая книжка у меня тоже будет ее, где черным по белому написано, что она служила в какой-то богадельне сиделкой! Нет, я не готова стать матерью Терезой. Потому и выкинула из головы эти глупости. Но Тоня-то какая прыткая оказалась: не теряла времени, действовала!

Антонина отодвинула опустевшую тарелку и промокнула набежавшие на глаза слезы: она была уверена, что я поддержу ее! Я почувствовала себя виноватой – обнадежила девушку тогда, в электричке, а теперь даю задний ход.

– И зачем ты наврала хозяйке? Про свой возраст, про образование? Неужели по твоим документам тебя в гардеробщицы не взяли бы?!

– Нет. Хозяйка и так едва поверила, что мне «всего» тридцать восемь. Она в лоб спросила, не пью ли я, поскольку выгляжу изможденной. Когда я побожилась, что совсем не употребляю спиртного, она предположила, что я специально занизила возраст, поскольку в объявлении на двери было написано, что им нужна гардеробщица до сорока лет. Потому велела обязательно с паспортом в следующий раз прийти.

Ну и дела, ну и времечко! В секретарши до тридцати, и в гардеробщицы ограничения. Я прошла в комнату, достала из шкатулки паспорт и трудовую книжку. Протянув их Тоне, я сказала:

– Только верни паспорт побыстрее, пожалуйста. Как оформишься, так и верни, а то без документа жить – сама понимаешь! Даже пособие по безработице на почте не получить!

– За твоим пособием по безработице я сама схожу на почту, а для остального – у тебя будет мой паспорт. Я принесла тебе свои документы, как договаривались.

Тоня поспешно открыла сумку, зацепленную ремешком за спинку стула, и достала стопочку документов: паспорт в аккуратной красной обложке и всякие удостоверения и свидетельства.

И все же я не приняла окончательного решения. Положила документы Тони на подоконник и сказала, что посмотрю их внимательно позже. И специально для Тони повторила, что обмен этот временный, что документы она должна мне вернуть до конца недели.

– Ладно, – поникшим голосом сказала Тоня. – Паспорт я тебе верну. А с трудовой книжкой не знаю, как и быть. Ее же хозяйка у себя оставит!

– Выкручивайся сама, Тонечка, – отрезала я. – Ты просишь документы, чтобы устроиться на работу – я дала тебе их, но только на время. Ты должна вернуть их мне через два дня! Или я приду к твоей хозяйке и раскрою весь этот обман!

Я была зла на Тоню за то, что она, не предупредив меня, уже вживается в мою роль. Потому я и общалась с ней сухо, и после обеда выпроводила из квартиры.

Однако мой гнев остыл, когда я осталась одна, и затеянная Тоней афера стала уже казаться занимательной игрой. В груди уже разгорался огонек азарта, обжигая своими искрами все тело!

Я раскрыла Тонины документы. Удостоверение домашней медсестры, квалификация сиделки. А вот аттестат о среднем образовании – сплошные тройки! И куда я с этими бумажками?

А мой университетский диплом филолога будет считаться Тониным – смех один! Она с ним, как голая дама в шляпе с перьями! Расставаться с дипломом тяжелее, но дата поступления и дата выдачи – все было против меня. По моей обновленной версии, в те годы, когда я училась в университете, я должна была бы посещать детский сад. Но плюсом для этой истории стало то, что я не меняла девичью фамилию Бабкина на фамилию мужа: папа попросил. Папе

было обидно, что его фамилия исчезнет. Он ею очень гордился, помнил своих предков, среди которых было много именитых и достойных людей. Зато оттого, что фамилии в дипломе и в свидетельстве о рождении совпадают, Тонечке будет легче осваиваться – если я, конечно, решусь ступить в эту реку, по которой придется плыть против течения.

Искры азарта уже стреляли мне в голову, оставляя угольки в моем мозгу, и каждый новый уголек делал меня уязвимее перед соблазном вернуть молодость. А первым признаком ее возвращения стало то, что я глупела с фантастической быстротой.

Мои глаза залипли на дате рождения в Тонином паспорте и затуманились от счастья. По Тониному паспорту, мне всего двадцать два года! Но поверят ли люди в мой возраст? Тридцать мне иногда давали, но не двадцать же! Шестнадцать лет долой! И теперь не искры, а бушующее пламя расплатило мне мозги: и я, как отчаянный лыжник-слаломист, уже хотела испытать новый крутой спуск. Пусть я буду выглядеть постарше, лет на двадцать семь – не беда, как-нибудь с помощью прически, одежды смоделирую себе молодежный облик! Я легла спать взрослой женщиной, с мерцающими красными угольками в груди, а утром восстала ото сна, как птица феникс, с отчаянной, незрелой и молодой душой!

Для начала я решила, что на курсах секретарей-референтов выпишу диплом на Тонин паспорт. А если отступлюсь от затеи, вновь захочу жить по своему настоящему паспорту, невелика будет потеря свидетельства о такой низкой квалификации. Оставалось подумать, чем объяснить администратору курсов смену своей фамилии, на которую придется выписывать диплом. Вышла замуж? Тогда почему штампа о браке нет? И отчество другое, хоть и начинается на ту же букву, что и мое, – у нас с Тоней инициалы тоже совпадали. Но я верила, что с бумажкой на курсах сложностей быть не должно, надо только, как говорил мой отец, «подмазать». Я достала заначку – пятьдесят долларов, полученных мною недавно от Б.Н. за перевод, и положила ее в красную обложку Тониного паспорта, как пропуск к новой жизни. Решила действовать по обстоятельствам.

На следующий день я пришла в закуток, где обитала администратор курсов. Вместо прежней сотрудницы за столом сидела моя соученица по курсам секретарей-референтов, выпускница моего набора. Это облегчало мою задачу.

– Привет, Лена! – весело и дружелюбно начала я. – А где Татьяна Ивановна, вышла на обед?

– Какой обед! – взмахнула пышной челкой Лена. – Она в отпуске со вчерашнего дня. Вот меня попросили за нее подежурить. Взяли на временную работу.

– А-а, понятно, – принялась импровизировать я. – Тут путаница с фамилией произошла, и Татьяна Ивановна просила принести меня свой паспорт, чтобы выписать мне удостоверение об окончании курсов.

– Ты вовремя успела, – улыбнулась Лена, – я еще твое удостоверение не оформила. Давай паспорт!

Я отдала секретарше паспорт, и в нем отчетливо зеленела бумажка американской валюты. Девушка мельком взглянула на фото – паспорт Тоня получала в шестнадцать, но и тогда выглядела старше своего возраста – и дважды перечитала фамилию:

– Молодцова. А у нас ты вроде числилась как Бабкина. Так на кого выписываем, на Молодцову или Бабкину?

– Я же говорю, что путаница произошла. Я замужем была, теперь развелась. Выписывай на Молодцову.

Услышав про «замужем» и «развелась», красавица задумалась. И больше вопросов не задавала. Вынув двумя пальчиками зеленую купюру и быстренько спрятав ее в сумку, она придвинула к себе незаполненный бланк и стала переписывать в него данные из моего, то есть Тониного, паспорта. Заполнив и бланк анкеты и выписав свидетельство об окончании курсов уже на Тонину фамилию, Лена торжественно протянула это свидетельство мне:

– На, держи!

Я держала в руке свой первый «настоящий» документ, подтверждающий мои реальные навыки, полученные на курсах. И если прежде я, дама с дипломом университета, не слишком ценила эту филькину грамоту, то теперь, примеряя возможные ощущения Тони в данной ситуации, радовалась ему, как девчонка – ведь в приложении к свидетельству сверкали одни пятерки, будто стразы на модной кофточке.

Но когда я ехала домой в автобусе, стразы чуть потускнели. Ну и зачем мне эта маета? И куда я с этими пятерками? Даже на биржу труда документ не предъявишь – в государственной организации фокус с купюрами не прокатит. Туда или сундуками деньги заносят, или ничего! Придется взять на денек свои документы у Тони, чтобы бесшумно сняться на бирже с учета и затеряться в безликой массе неучтенных безработных. А позже решу, по каким документам жить. Но кажется, сказав «а», уже неизбежно произносишь и следующую букву алфавита...

К середине сентября я окончательно выскользнула из прежней биографии, оставив себе на память только свидетельство о регистрации брака с покойным мужем. А Тоне вдобавок к паспорту и трудовой книжке решила отдать еще и диплом университета. И пусть я утратила документ о высшем образовании, но это стоило того: шестнадцать годков долой!

Сменить документы оказалось проще, чем решить квартирный вопрос. Ведь в паспорте каждой из нас стоял штамп о прописке по своему адресу. И отдавать Тоне за просто так свою квартиру, а самой числиться на служебной жилплощади, я не собиралась. Поэтому как-то следовало узаконить наш обмен. Но как? Вдруг пелена спала с моих глаз, я ужаснулась своему просчету – перед глазами яркими кадрами пронеслась будущая бездомная жизнь на улице. Вспомнились грязные бомжи с коробками и мешками, которые иногда появлялись мне в городе: засаленная одежда, испитые лица, запах немытых тел.

Я позвонила Тоне, объявила ей, что желаю забрать назад свой паспорт, гарантирующий мне мои хоромы. Но Тоня, поняв, в чем дело, клятвенно пообещала мне, что решит этот вопрос. Оказалось, что у нее был выход на паспортный стол ее районного отделения милиции, а кто не знает, какие возможности открывало такое знакомство в конце девяностых! Но я не очень поверила Антонине. И хотя я не собиралась жить в ее квартире за Нарвской Заставой, я все же поехала посмотреть, что меня ждет, если сбудется худший сценарий. Да и характер Тони легче было понять, посмотрев, как она живет.

Полчаса на автобусе – и я в промышленном районе Автово, где в хрущевской пятиэтажке находилась Тонина квартира. Давно я не была в Автове, и сейчас меня неприятно поразили своей замызганностью и убожеством панельные дома, в ускоренном темпе построенные в шестидесятые годы. Всего тридцать лет прошло, а как все обветшало: газоны заросли сорняком, помойки переполнены, качели на детских площадках поломаны. Нет, в нашем элитном Московском районе порядка больше, особенно в том квартале, куда заселяли интеллигенцию из университетов и НИИ.

От метро пришлось идти вдоль пустыря, на краю которого и стояли невзрачные бетонные пятиэтажки с черными битумными швами в отдельных местах фасадов. Это было вынужденное архитектурное украшательство. Когда дома только построили, фасады их представляли собой расчерченные белыми линиями квадраты стеновых панелей с маленькими окошками. Но постепенно по стенам побежали трещины, и жилищники замазывали их черным в самых непредсказуемых местах – будто некая указующая Рука подчеркивала жирным фломастером квартиры, жильцы которых плохо себя ведут.

Я отыскала нужный дом, он был особенно непригляден: с узкими подслеповатыми окошками, все с теми же черными замазанными линиями, помечающими почти каждый этаж – целый дом штрафников!

Тоня встретила меня приветливо в своей тесной прихожей, и вместе с ней вышел меня встречать огромный серо-дымчатый кот. Тоня усадила меня за стол в проходной комнате – между кухней и дверьми в другие комнаты – и принялась снова из кухоньки в комнату, скидывая мне в тарелку комковатые блины со сковородками. Попутно она оправдывалась:

– Я думала, бабуля еще долго будет со мной и я успею научиться готовить. Но так все сразу оборвалось, и я даже блины толком не научилась печь!

Мне удалось благополучно съесть сыроватый блин и даже похвалить его качество. Одновременно я разглядывала обстановку в комнате. Все было чистенькое, но бедное.

Кот прыгнул мне на колени и куснул за палец.

– Фу, Кузя! – Тоня взяла его в руки и перенесла на свои колени. – Он ревнует меня к тебе. Представляешь?

Я улыбнулась.

– Еще подложить блин?

– Нет, спасибо, я сыта.

– Тогда я уберу со стола и мы займемся документами.

– Не возражаю.

Тоня тщательно вытерла стол, накрытый голубой клеенкой, и выложила на него полученные от меня документы, чтобы я объяснила, на что пригодна каждая бумажка. Я вытащила из сумки последние документы, которые не успела передать Тоне раньше.

– Вот, смотри, это диплом университета. У тебя будет квалификация филолог, специализация «русский язык и литература». Вряд ли ты сможешь им воспользоваться, но вдруг.

– Конечно, нет! – весело, совсем как школьница, воскликнула Тоня. – Я же пишу с ошибками, еле-еле на аттестат сдала. Но когда в кафе гардеробщицей устраивалась, хозяйке было лестно, что я вроде как дипломированный специалист. – На лице Тони засияла гордость. Но тут же сменилась озабоченностью. – А у тебя как с работой? Удалось по моему паспорту секретаршей устроиться?

Я встала, походила по комнате, остановилась у окна. Через затянутую марлей форточку тянулась помоечная вонь. Сквозь щель коротких плотных занавесок – квартира находилась на первом этаже – я увидела и стоящие прямо перед окнами мусорные баки.

А Тоня ждала ответа. Я вновь повернулась к ней. Мне не очень хотелось обсуждать с Антониной Молодцовой, по моей доброй воле Бабкиной, свои трудности: уровни нашего развития слишком разнились, чтобы разговаривать на одном языке. Разве она поймет, что испытывает образованный человек, когда работодатель отказывает тебе в месте из-за отсутствия диплома о высшем образовании. Но мне отказали в разных офисах уже несколько раз именно по этой причине, хотя теперь я была «моложе тридцати лет». А если соглашались взять, то явно намекали, что придется выполнять и сексуальные услуги, что было для меня абсолютно неприемлемо.

– Нет, не нашла, – не вдаваясь в подробности, ответила я. – Но мне вполне хватает денег от моих подработок с переводами.

Тоня сбегала в другую комнату и принесла розовую бумажку:

– Вот, забыла тебе отдать: моя справка об инвалидности, вторая группа, пожизненно. По ней пособие выплачивают. Ты можешь его теперь сама получать!

– Ну что ты, Тонечка. – Я решительно оттолкнула ее руку. – Твое пособие должно у тебя оставаться. Ты его куда, на книжку зачисляешь? Я буду получать по твоему паспорту, но деньги тебе приносить.

– Нет, нет, – возразила Тоня. – Я же теперь зарабатываю!

Не знаю, сколько бы мы еще проспорили, но в этот момент кто-то бросил в окно комнаты камешки. Я раздвинула занавески и увидела за окном коротконового мальчишку. Впрочем, мальчишкой он мне показался только поначалу, из-за маленького роста. Он подошел ближе к

окну, и я увидела низкорослого взрослого парня с большой головой, уменьшенным туловищем и совсем коротенькими ногами. В одной руке он держал чем-то наполненный полиэтиленовый пакет, а другой ритмично кидал мелкие камешки в наше стекло.

– Тонька, открой дверь! – хриплым голосом крикнул он. Видимо, принял мою тень за хозяйскую, толком не разглядев за оконным стеклом. Тем более, пока не освоившись с Тониным паспортом и опасаясь разоблачения, я специально носила такую прическу, как на фото в Тонином паспорте: волосы убраны в хвост и прямая челка на весь лоб.

Я подозвала к окну Тоню:

– Тонечка, там парень тебя зовет с улицы. Твой знакомый?

Тоня приблизилась к окну, приоткрыла раму и крикнула:

– Ну что орешь как оглашенный! У меня гости.

– Гости? – удивился парень. – А кто?

– Кто, кто! Конь в пальто! Подруга приехала.

– Ну ладно, ты тогда возьми яблочек, я тебе привез с дачи.

Парень забежал в подъезд – и спустя минуту уже входил в квартиру.

– Ну давай твои яблоки, Костик, и проваливай, – грубовато приветствовала его Тоня. Но потом вдруг она изменила тон: – Хотя ладно, оставайся, разговор есть.

Я внимательно рассмотрела его: ширококостное приплюснутое лицо с уже намечающимися морщинами на нем, но волосы пышные, зачесаны назад. Теперь, когда парень стоял в прихожей рядом с нами, стало очевидно, что он – просто карлик: его голова едва доставала мне до груди, а у меня был средний женский рост. Хотя парень был неказист, но взгляд его был на удивление умным.

– Константин, – сказал он, протягивая мне руку. Понятное дело: манерам он не обучен, не знает, что руку первой должна подавать женщина. Но я улыбнулась ему и пожала протянутую мне руку:

– Аня.

Губы Кости растянулись в широкой улыбке, отчего лицо его стало казаться совсем стариковским, так много морщин собралось вокруг глаз.

– Анна? – уточнил он.

– Нет, Антонина.

– Надо же, так вы тезки с Тонькой! А ведь редкое какое имя. Вы, случаем, не хозяйка кафе, где моя Антонина теперь работает?

– Какая я твоя? – возмутилась Тоня. – Или ты забыл, что твоя мать сказала? Брак со мной только через ее труп!

Костя прошел в комнату, сел на диван и с виноватым видом стал оправдываться:

– Ты же знаешь, где моя мать служит, – в милиции...

– В милиции? – ахнула я.

– Ну да, в паспортном столе, – уточнил Костик, – потому такая категоричная, а вообще-то она добрая, меня любит.

– Тебя любит, а меня нет! – обиженно воскликнула Тоня. – Но я любви с ее стороны и не жду, а вот помочь она мне может здорово.

– Помочь тебе? Ты же сама знаешь, что она говорит, чтоб глаза ее тебя не видели, – с глубоким вздохом произнес Костик. – Ждет не дождется, когда ты из этой квартиры куда-нибудь выкатишься. Это не я, это она так говорит! Чтобы подальше от нашего дома. Что тебя из милости оставили до конца года здесь жить...

– Ладно, Костя, не заводи, – старательно сдерживаясь, сказала Антонина. – Вот по этому поводу я и хочу, чтобы ты с ней поговорил. Эта женщина, Аня, скоро за границу уезжает, ей надо, чтобы в ее квартире кто-то остался...

Я так и ахнула: ну и Тоня, ну и сочинительница! Даром что дипломов не имеет, а вот как интригу плетет.

– Ну так вот, – продолжила Тоня. – Надо, чтобы меня тоже прописали в квартиру Анюты. А отсюда, из Автова, выписали. Меня же так и так из этой квартиры выселят. Так что уж лучше мы не будем этого дожидаться...

– Значит, ты будешь жить в Московском районе? И я не смогу забегать к тебе каждый день?

– Вот именно! Так и скажи своей мамаше, что если она поможет изменить нам прописку, то ненавистная Тонька уберется подальше с глаз долой!

Костя встал с дивана, но и стоя был одного роста с нами, сидящими. Он задумчиво начал мерить шагами комнату.

– Значит, уже нашла себе квартиру? Оставляешь меня?

Я снова перевела парня из задумчивости на деловые рельсы:

– Так вы поможете мне и Тоне, Константин? Вы же знаете, что она обязана освободить служебную жилплощадь, месяцем раньше, месяцем позже – все равно уедет.

– Попросить-то я мать могу, но деньги будут нужны! Она ведь не одна там в паспортном столе, документ проходит через несколько рук. Сами понимаете...

– Понимаю.

– А я вот не понимаю одного. Если вы сваливаете за границу, то ведь вам выгоднее свою квартиру продать, а не Тоньку туда вписывать?

– Знаете, Костя, у меня в жизни все так сложно. Тоня вам когда-нибудь объяснит, а пока нам нужна помощь вашей мамы. Деньги я постараюсь достать.

Пока мы с ним разговаривали, Тоня вымыла принесенные Костей яблоки и поставила их на стол перед нами. Мы все трое захрустели сочными плодами, вгрызаясь в их пунцовые бока.

Вскоре Костя распрощался с нами и ушел. А мы с Антониной продолжили разговор. Тоня рассказала, что Костя Еремеев ее бывший жених. Знакома с ним с детства: вместе во дворе бегали, а позже учились в одном ПТУ для инвалидов. Он выучился на бухгалтера. И добавила, что хотя Костя – парень вспыльчивый, но соображает хорошо. Если бы не его внешность, куда-нибудь и в банк могли бы взять, а так работает в жилконторе. Костя был ее парнем и стал первым мужчиной, а сейчас он ей не пойми кто. Выходить за него замуж Антонина не собирается.

– Он не нравится тебе? Или ты просто не хочешь идти за карлика? – попыталась выяснить я.

– Да не то что не хочу идти за карлика! Кому еще я нужна: мы бы стали вполне подходящей парой – оба уроды!

– Не говори так, Тоня, – как можно убедительнее сказала я. – У тебя вполне симпатичное лицо, только выглядишь ты старше своего возраста.

Тоня отложила недоеденное яблоко, встала, подошла к зеркалу:

– Да, красавица, а по виду даже Костику в мамочки гоюсь. Но у него есть своя мамочка. И эта мамочка нашла сынуле другую невесту, тоже из инвалидов: глухонемую девушку. Кто угодно, сказала мамаша, только не Тонька. Им дескать, надо породу улучшать, а не гробить окончательно. В общем, она запретила нам встречаться, а его встречи с глухонемой поощряет. Вот такой винегрет. А мы с Костей теперь не врозь, не вместе. А живет он рядом, в соседнем подъезде.

– Вы и сейчас бываете вместе? – Я с трудом подобрала нейтральное выражение.

– Ну да, трахаемся иногда! Мое женское естество ведь тоже голодает.

– Да, – искренне вздохнула я, – жаль парня! Ты уж не обижай его.

– Да попробуй его кто обидь. Это он на вид добренький. А так не смотри, что ростом с вершок: как его разозлят, сразу кидается на обидчика! – С этими словами Тоня рассмеялась, обнажив ряд верхних зубов вместе с десной.

Уходя, я оставила в ее квартире оба паспорта – на тот случай, если мать Костика пожелает помочь с пропиской. Напоследок Тонин кот несколько раз прокрутил восьмерку у моих ног, будто связал их невидимыми путами.

4

Поздней осенью жизнь в городских парках и на бульварах замирает, готовится к зимней спячке, будто отъевшийся за лето медведь. Отключаются фонтаны на площадях, жухнет трава на полысевших газонах, а низкие свинцовые тучи превращают и без того короткий день в непроглядные сумерки. Но подтверждая закон сохранения энергии, открытый физиками, энергия живой природы перетекает в общественную жизнь: открываются ярмарки, выставки, даются премьерные спектакли. А в деловой сфере фонтан идей и предложений просто перелестывает через край.

Но парадокс той осени тысяча девятьсот девяносто восьмого года заключался в том, что подъема в бизнесе не наблюдалось. Одни дожидались лучших времен, другие и вовсе свалились в яму нищеты. А я по-прежнему не могла найти работу, и к тому же, по своей женской глупости, лишилась даже жалкого пособия по безработице, снявшись в августе с учета. Борис Николаевич оказался единственным человеком, который помогал мне выжить в это непростое время. Он подкидывал переводы, все так же щедро оплачивая их, поскольку по молчаливому соглашению сторон учитывалась и постель, разделенная с ним.

Радость от моего привлекательного паспортного возраста все больше отдавала горчинкой иждивенчества и тяжестью неразделенной тайны. Я так и не решилась рассказать об аванюре Борису, тем более что не было повода. Обычно он, приезжая ко мне домой, оплачивал мою работу наличными, не спрашивая паспорта, не оформляя договор, – просто вынимал купюры из своего бумажника и передавал мне.

Но однажды Универсум подтолкнул меня к признанию. Борис позвонил и предложил мне самой приехать в его офис, захватив паспорт и трудовую книжку! Значит, его фирма процветала вопреки дефолту!

Я отправилась на встречу. Нашла типовое здание детского сада в купчинских новостройках, еще огороженное ветхим деревянным заборчиком – такими ограждали в советские времена все детские учреждения. Нажала кнопку звонка у двери. Отозвался охранник, спросил, кто я и к кому иду, пропустил.

Превратившись вмиг в робкую школьницу, я вошла внутрь и – попала во дворец! Вместо бетонной невзрачной лестницы, какие можно увидеть в любом детском саду, белели ступени искусственного мрамора. Дубовые настенные панели украшали респектабельный интерьер, а пол, выложенный из новомодных плиток кремового цвета, благодаря своему узору казался покрытым сливочным мороженым. Светильники освещали все пространство тоже холодным, но ярким светом. Я впервые увидела воплощение понятия «евроремонт»! Эта фирма по продаже медоборудования напоминала операционную больницы, а Б.Н. являлся генеральным директором всего сверкающего белизной великолепия. Возможность начать в этом месте жизнь с чистого листа была бы для меня огромным счастьем!

Вскоре и сам Борис вышел поприветствовать меня. Выглядел он как настоящий руководитель корпорации, каким представляют его киношники: идеально сидящий темно-серый костюм, безупречная белая рубашка с узлом широкого галстука у ворота и отливающие черным блеском ботинки. Я, уже привычно одетая в укороченную юбчонку и в молодежную куртяшку до талии, почувствовала себя жалким курьером – настолько мой вид не соответствовал интерьеру и хозяину этого дворцового убранства. Все же я пока не умела носить молодежный прикид с должной уверенностью.

Б.Н. выдал мне дежурный комплимент, заметив, что выгляжу я прекрасно, ну просто девочка. Я, в свою очередь, похвалила его костюм и протянула папку с готовым переводом.

– Отлично, Анюта! – обрадовался Б.Н. – Завтра этот буклет пригодится мне на переговорах! Ты захватила паспорт и трудовую книжку? Я решил, что новой фирме нужен переводчик: ведь мы теперь плотно работаем с немцами.

– Да. Принесла, – кивнула я и замялась. – Но... Мы можем поговорить с тобой тет-а-тет?

– Да запросто, Анюта! Рабочий день окончился, сотрудники уже по домам разбежались, так что мой кабинет к нашим услугам. – При этом Б.Н. с хитринкой подмигнул мне, как бы намекая на расширенную программу общения.

Мы поднялись на второй этаж. Б.Н. провел меня через просторную приемную, где прежде была, наверное, игровая комната для воспитанников детского сада. В приемной за столиком никого не было. Зато в кабинете поразили величиной огромный письменный стол, книжный стеллаж во всю стену и два глубоких мягких кресла у журнального столика перед окном. Борис предложил мне снять куртку и сесть в одно из кресел.

Я осталась в полосатом спортивном свитерке: если начала играть роль девчонки, надо вживаться глубже. Б.Н. встал со своего места, подошел к моему креслу сзади и положил руки мне на плечи. Его намерения стали мне совершенно понятны.

Я затаила дыхание. Но Б.Н. вдруг остановился.

– Так о чем ты хотела со мной поговорить? – заглянув мне в лицо, спросил он. – О размере зарплаты?

– Нет, я...

– Ладно, не смущайся, – Борис заметил, что щеки мои порозовели, – деньгами не обижу. Раз беру в штат, то и оклад будет соответствующий.

Я выскользнула из-под его ладоней и достала из сумки свои, то есть Тонины, документы – паспорт и трудовую книжку – и, почти заикаясь, сказала:

– Боря, я должна тебе сообщить о своих новостях...

Борис отступил на шаг, затем, обойдя столик, сел в кресло напротив и нарочито беззаботно произнес:

– Что ж. Сообщай! Нашла себе нового жениха? Бросаешь меня? Кстати, вчера моя женушка объявила, что тоже подает на развод... Давай, добивай.

– Если бы замуж, – улыбнулась я, – то и печали бы не было. Но тут такое дело, что и не знаю, как сказать...

– Неужели забеременела? – Лицо Б.Н. озабоченно нахмурилось. – Вроде бы я с тобой предохранялся. И мы ведь обсудили эту тему, решили, что рождение ребенка отложим. Ты, это, сделай что-нибудь. Нас ведь готовый эмбрион в Германии дожидается!

– Нет-нет. У меня совсем другие новости! Видишь ли, – выпалила я, – у меня теперь чужой паспорт, чужая фамилия и другой возраст!

– Убила владельца? – Борис попытался пошутить, но на лице его возникла маска ужаса: глаза расширились, рот приоткрылся. – Скрываешься от преследователей?

– Ты посмотри вначале документы, а я тебе все объясню. – Я поерзала в кресле, не находя удобного положения, и начала рассказывать Борису свою историю. Когда я закончила свой рассказ, в комнате повисла тишина.

– А кто еще знает про это? – наконец прервал молчание Б.Н.

– Никто. Только я, Тоня, а теперь и ты.

– А твои подруги, соседи? Вдруг всплывет ненароком. Кстати, и штамп о прописке по твоему настоящему адресу появился, дорогая Антонина Молодцова. Но как вам удалось это проверить?

– Помогли добрые люди.

Борис задумчиво разглядывал Тонин паспорт, ставший моим. Видимо, он решал, что со мной делать. Затем открыл трудовую книжку мышиного цвета и покачал головой:

– Бог ты мой! ПТУ, домашняя медсестра! И куда я тебя с этими бумажками устрою?

– А вот что у меня еще есть: свидетельство с курсов секретарей-референтов! – с оживлением, точно уличный зазывала, воскликнула я. – И вполне реальные навыки в этой области. И ты ведь прекрасно знаешь, что у меня университет за плечами.

– Я-то знаю, а вот как кадровичка моя посмотрит, что я беру девушку из ПТУ с дипломом сиделки на должность переводчика. Да хотя бы и секретаря.

– Ну а чего – вот и оформи меня секретарем! – предложила я. – Да хоть уборщицей, а я буду переводами дома заниматься, чтобы никого не шокировать. Работа мне очень нужна.

– Да-а, Анюта, задала ты мне задачку, – в задумчивости протянул Б.Н. – Ну да ладно, придумаем что-нибудь. Только ты больше никому свою историю не рассказывай!

Затем он взял паспорт и трудовую книжку Тони, включил копировальный аппарат и сделал ксерокопии документов. Потом снова подошел ко мне сзади, как в начале разговора, но сейчас лишь одну руку опустил мне по-дружески на плечо.

– Оформим тебя. Все будет тип-топ! А сейчас иди, зайчик, иди! А я еще поработаю.

Едва касаясь белых скользких ступеней, я сбежала вниз и вышла на улицу. В воздухе кружились первые снежинки, дул пронизывающий ветер. Застегнув плотнее утепленную, но короткую куртку, я торопливо зашагала к автобусной остановке. Тревога и беспокойство овладели мною вперемешку с новыми надеждами.

Только сегодня я осознала, что натворила с обменом паспортов, но отступать, кажется, было некуда. И как замечательно, что я все рассказала Борису, а он не выгнал меня за обман тотчас, хотя и мог!

И тем же вечером мне позвонила Тоня:

– Анюта, есть возможность подработать и подкормиться! У нас в кафе в субботу намечается заказ на банкет, и Сан Саныч ищет помощницу, поскольку вторая повариха недавно ушла в отпуск. И если ты проявишь себя хорошо, то тебя смогут взять временно, на те недели, что постоянная работница отсутствует!

– Сан Саныч это кто, директор? – уточнила я.

– Сан Саныч – наш шеф-повар, – оживленно объяснила Тоня. – Я же про него тебе рассказывала!

Возможно, она и упоминала какого-то повара, но вскользь. По крайней мере, я не помнила, о ком шла речь.

А Тоня жужжала дальше:

– Так вот: хозяйка бросила клич всем сотрудникам, чтобы подыскали кого-нибудь на это мероприятие. Вот я тебя и предложила: знаю, что ты пока без работы, а готовишь здорово: каким салатиком меня угощала! Если ты согласна, подъезжай завтра, чтобы обсудить с шеф-поваром и с заказчиком меню их банкета.

Я растерянно молчала, но потом решила, что пока меня не оформили в фирме Б.Н., не грех и подзаработать! Да и вообще неизвестно, сработает ли желанный вариант, а запасные пути всегда необходимы.

– Я согласна, Тоня. Но у меня нет поварской квалификации, – вздохнула я. – Накромсать салат дома – это одно, а готовить для банкета – совсем иное!

– Да ты не бойсь! – обрадовалась Тоня. – Будешь у нашего Сан Саныча на подхвате – нарезать что-нибудь, обжарить. Тебе ничего самой придумывать не придется!

– Погоди-погоди, – остановила я Тоню, – а что за банкет? На сколько человек?

– Я толком не знаю – то ли чей юбилей, то ли встреча выпускников. Хозяйка говорила, но я не запомнила. Человек двадцать ожидается. Так что приходи завтра и паспорт захвати – хозяйка обязательно спросит!

5

На следующий день я предстала перед хозяйкой кафе и шеф-поваром. Хозяйка держалась уверенно, как фельдфебель, и сверлила всех взглядом. Мешки под обрисованными черным карандашом глазами и седые непрокрашенные пряди в гриве черных волос выдавали ее возраст – да, дама немолода, но активна. И губы в ярко-красной помаде, и одежда весьма смелая: обтягивающая широкие бедра короткая юбка и джемпер с глубоким вырезом. По словам Тони, эта женщина еще в советское время возглавляла пирожковую, действовавшую в этом же помещении. Тогда заведение было государственным, а позже в неразберихе перестройки стало ее собственным и получило название «Кафе-Люкс». До люкса этому заведению было далеко, но, видимо, название наполняло хозяйку гордостью.

Шеф-повар Сан Саныч стоял чуть в отдалении. Это был полноватый, но весьма приятный мужчина с розовыми щеками и в накрахмаленном поварском колпаке. По виду Сан Саныч был моим ровесником, если вспомнить мой биологический возраст.

Тоня представила меня руководству:

– Это моя подруга, она очень хорошая кулинарка и честная женщина. Ее тоже Антонина звать.

– Анюта, – поторопилась я представиться привычным для меня именем, протягивая хозяйке уже Тонин паспорт.

Она тщательно пролистала его, разглядывая фото, на котором была изображена гардеробщица заведения – Тоня – в год выдачи ей паспорта, то есть в ее шестнадцать лет. И хотя хозяйка сейчас проверяла меня, она мельком посмотрела и на Тоню. И снова на меня.

– Вы не только тезки, но и внешне похожи! – наконец выдала она.

– С этой прической все женщины похожи друг на друга! – шутливым голосом ввернула я.

Тогда мы еще старались с Тоней соответствовать фотографиям в паспорте и обе продолжали носить одинаковый хвост, перетянутый резинкой, и одинаковые челки до бровей. И это делало нас не только похожими, но и сглаживало возрастные различия.

– Тоня завершила, что ты умеешь готовить, но специального диплома у тебя нет.

– Нет, – призналась я. – Я только домашние обеды готовила. Еще я курсы секретарей закончила...

– Так, девушка, давай по порядку, – махнула полной рукой хозяйка. – Что конкретно ты умеешь готовить?

– Да что она может уметь! – подал голос Сан Саныч. – Разве что суп из бульонных кубиков!

Он попал не в бровь, а в глаз: сейчас я перебивалась именно этими кубиками.

– Суп из кубиков и картошку «в мундире»! – я улыбкой обозначила, что шучу. – Но еще могу салат из...

Хозяйка остановила меня, резко подняв ладонь:

– Ладно, можешь не продолжать! Знаю я вас, молодежь, сидите на сухомытке, а потом на гастриты жалуетесь. Мне сейчас уже поздно кого-то другого искать, справишься, если постарешься и будешь слушаться Сан Саныча. Да и компания ожидается не слишком требовательная – студенты из Военмеха. Они что-то там важное празднуют, так что заказали отдельный зал. Я уверена, что набегут, как голодные волки, и что ни выставишь, все сметут за милую душу. Сделаете им «оливье» с дешевой колбасой, ну и риса побольше наварите, тоже можно с чем-нибудь намешать.

– А сколько денег мне за это мероприятие полагается? – спросила я.

– То, что наэкономите с шефом из этой суммы, – с этими словами хозяйка протянула нам пачку ветхих купюр, – все ваше! За продуктами поезжайте прямо сейчас на оптовый рынок, тут недалеко, за Троицким храмом.

Мы с Сан Санычем пересчитали деньги, и он недовольно крикнул, сообщив, что у нашей хозяйки на хороший навар рассчитывать не приходится. Хоть бы хватило стол сделать поприличнее.

– Студенты – народ нетребовательный, это так. Но их подружки каждую горошинку небось будут в микроскоп рассматривать. Если бы одни парни собирались, можно было бы им подать хоть твою картошку в «мундире», – теперь шутил Сан Саныч. – Приходили меню заказывать два тощих паренька в обтрепанной одежке, но еще и девица с ними, твоего примерно возраста. Вот она права и качала!

– Сан Саныч, а мне вы сколько лет дадите? – кокетливо спросила я.

– Хочешь начистоту, Анюта? Ты выглядишь старше своих двадцати двух – никак не меньше двадцати шести.

– А вам сколько?

– Сорок один, – многозначительно ответил мой временный начальник.

Угадала я: почти мой ровесник, старше всего на три года.

...Стол накрыли к трем часам дня субботы. Я украсила салаты, накрошив сверху зелень, измельченные крутые яйца и помидоры. А под этой нарядной «накидкой» были скрыты обычный отварной рис и картошка, разбавленные майонезом и крабовыми палочками. Расставили на кружевные одноразовые скатерти двадцать тарелок, бокалы и стопки, разложили столовые приборы. Мы с Сан Санычем потратили почти все выданные нам хозяйкой деньги, оставив себе скромный заработок, равный одному сытному обеду – обеду в нормальном ресторане, а не в этой забегаловке, громко именуемой «Кафе-Люкс».

Едва я облачилась в форму официантки, надела кружевной накрахмаленный кокошник на волосы и короткий белый передничек, как у входа в кафе – ради мероприятия кафе закрыли для посетителей – стали собираться первые гости. В основном подходили безусые юнцы, но было несколько человек постарше. Когда появился молодой мужчина в темном строгом костюме, в белой рубашке и галстуке, его встретили криками «ура!» и букетами. Это и был юбиляр! Хозяйка радушно распахнула двери, и студенты толпой повалили в помещение кафе. Я разглядывала гостей из угла зала, где фасовала по хлебницам хлеб. И вдруг узнала в юбиляре «Есенина»! Того самого парня, что я видела летом в электричке и собиралась заплатить за него штраф! Узнала не сразу, потому что теперь его непослушные светлые кудри были укрощены и коротко подстрижены. Да, это был он!

Прошла неразбериха первых минут, народ расселся вокруг длинного стола, составленного из квадратных столиков, – других в нашем кафе не было. Парни вытащили из сумок принесенное с собой спиртное, разлили водку по стопкам и шампанское по бокалам. Гостям было разрешено принести свой алкоголь – это было обговорено.

Сан Саныч принес из кухни горячее блюдо – тушеную картошку, приправленную кусочками мяса. Я выставила на столы тарелки с солеными огурчиками.

Мне приходилось метаться из зала в кухню и обратно, то принося новые блюда, то меняя грязные тарелки, но постоянно я думала о том, как изменился в лучшую сторону герой праздника. Гости произносили здравницы в честь юбиляра, так что невольно напомнили мне его имя – Макс.

– Господа-товарищи! Пьем за Макса! За прекрасную защиту диссертации! За нашего уважаемого кандидата философских наук Максима Гаевского!

В этот раз никто не играл на гитаре, ребята принесли кассеты с музыкальными записями и крутили их на магнитофоне. Я металась вдоль стола, оперативно заменяя гостям грязные тарелки на чистые, подкладывала салаты на опустевшие большие блюда. Банкет продолжался.

Когда я приблизилась к Макс, чтобы поменять ему тарелку, он вдруг поднял на меня глаза: в голубоватых озерах уже начали проступать искры веселого хмеля и беспричинной нежности. Я не смогла отвести свой взгляд, но повторила свой вопрос:

– Я меняю вам тарелку?

– Что? Тарелку? Постойте, постойте... Я где-то видел ваше лицо. Точно! – он стукнул себя по лбу. – Вы та добрая самаритянка, что пыталась спасти меня от контролеров в электричке. Не отпирайтесь! Только сразу вас не узнал: эта форма...

– Да, кокошники и белые передники делают всех нас одинаковыми, – попыталась отшутиться я. – Дайте я вам тарелку все же заменю!

Он протянул мне грязную тарелку и задумчиво сказал:

– А вы, значит, в этой забегаловке работаете? Я здесь часто бываю, но вас ни разу не видел.

– Вы и не могли меня тут увидеть, я ведь посудомойкой тут работаю, всегда в тылах, – зачем-то сочинила я.

Макс с улыбкой согласился. К нему снова потянулись с тостами, и я удалилась.

Праздновали до самого закрытия кафе, то есть до одиннадцати вечера. К финалу праздника в зале осталось не больше семи-восьми человек. Среди оставшихся был и Макс. Он сидел в углу на стуле, откинувшись на спинку, с зеленовато-бледным лицом, и уже ни на кого не смотрел. Двое крепких парней взяли его под руки и вывели на улицу. Ногами он все же передвигал сам. Что ж, защита диссертации – законный повод выпить вразг!

Еще около часа мы с Сан Санычем убрали в зале, что-то из оставшихся блюд сложили в предусмотрительно захваченные с собою баночки и контейнеры.

Встреча с Максом привела меня в смятение. Ну зачем было говорить, что я работаю тут судомойкой! Я вздохнула и продолжила протирать столы мокрой тряпкой.

Всю следующую неделю я пребывала в подвешенном состоянии, Б.Н. не звонил и не появлялся.

Я сидела дома на мягкой банкетке перед трюмо и прикидывала свои перспективы. На меня из зазеркалья смотрели огромные серые глаза с искрами молодого задора. Мой взгляд скользнул по чуть вздернутому носику, припухлым губам и округлым щекам. Все лицо еще было гладким, ни одной морщинки, только легкие тени обозначились у крыльев носа. Но я прекрасно понимала – еще года три-четыре, и морщины станут неизбежностью.

И вдруг раздался звонок.

– Открывай, Анюта! Это я, Борис! – тут же раздался из-за двери бодрый голос.

Я открыла, отступив в глубь прихожей. Выказав, однако, удивление, почему так вдруг и без телефонного звонка. Он ответил, что проезжал мимо и не мог не заехать, потому что у него для меня радостная новость.

– Договорился я с нашей кадровичкой, – воскликнул Б.Н. – Она записала тебя моим помощником!

– Помощником? – удивилась я. – Без диплома? Разве такое возможно?

– Все возможно! – улыбнулся Борис. – Возможно для женщины генерального! С завтрашнего дня ты зачислена в фирму помощником по общим вопросам.

– Но я же ничего не умею? – всплеснула я руками. – Я ведь только переводчица.

– Вот и будешь пока заниматься переводами, а там освоишься и сможешь мне помогать в чем-нибудь еще!

В детстве я любила сказку о трех медведях, в избушку которых забралась девочка Маша. У папы-медведя она съела кашу, у мамы-медведицы сломала стул, а медвежонку развалила кровать. Меня всегда охватывало двойственное чувство: отчаянная Маша одновременно и нравилась своей смелостью, и вызывала возмущение своим беспардонным поведением. А теперь

я сама за ней повторяю: собираюсь есть чужую кашу, сидеть на чужом стуле и, конечно, делить с директором постель! Но я понимала, что авантюризм характера уже не заставит отказаться меня от этой роли.

– Да, я согласна.

Б.Н. нежно взял меня за руку, поцеловал ее и настойчиво подтолкнул меня к спальне. Я не могла справиться с нахлынувшими на меня чувствами. Это было и гордое возмущение против авторитарности Бориса, и стыд за слишком высокую для меня должность, но одновременно и чувство благодарности за его заботу обо мне. И эта гремучая смесь чувств – стыда и признательности – вдруг обратилась в острое желание прижаться губами к его телу, к его шее, к его губам. Он уловил мое желание, и его собственная страсть усилилась во сто крат. Хотя вначале он, конечно, «промахнулся» и чуть было все не испортил своей поспешностью, но я выправила положение, и в этот день мы любили друг друга, как никогда раньше.

Когда Б.Н. ушел, на часах было только пять часов – ранний вечер. Я приняла освежающий душ – долго стояла под холодными струями, чтобы вернуть себе самообладание. После, подсушивая феном волосы и глядя на себя в зеркало, я видела лишь довольное лицо самки и ни капли юношеского задора в глазах, который сверкал в них еще лишь три часа назад. Приведя себя в порядок и начав мыслить здраво, я решила, что завтра пойду к Б.Н. и твердо откажусь от предложенной им должности.

Но и сейчас мне не сиделось дома. Я решила, что подъеду в «Кафе-Люкс» к окончанию Тониной смены, поужинаю там – дома все равно есть нечего, – а потом провожу Тоню домой, по дороге рассказав ей последние новости. Пооткровенничать мне больше было не с кем.

В кафе я заказала дешевый плов и стакан компота из свежих фруктов. В рисе мяса почти не было, но я с жадностью проглотила то, что было на тарелке, проголодавшись за полдня переживаний и секса. Но с компотом я, напротив, затягивала время, чтобы не сидеть за пустым столиком, ведь Тонина смена заканчивалась только через полчаса.

И в тот момент, когда стакан мой наполовину опустел, к моему столику вдруг подошел Макс с подносом. Это было так неожиданно, что я вздрогнула.

– Привет! Разреши присесть с тобой!

– Конечно! – кивнула я.

Макс сел на свободный стул напротив меня, тут же к нему подошла немолодая официантка и приняла заказ. Он заказал такой же плов, что десять минут назад прикончила я. Наверно, тоже шиковать не на что, хоть он и защитил кандидатскую. Сейчас для ученых – не лучшее время, недаром некоторые за границу подались!

Начав разговор с погоды, Макс вспомнил о делах кафедры и увлеченно начал рассказывать о них. Наконец официантка принесла плов, и Макс принялся за еду, вынужденно прервав свой рассказ и спросив, как поживаю я. А мне и отвечать было нечего, поскольку я еще находилась на старте, еще не проработала ни единого дня. К тому же мне следовало придерживаться легенды, пунктирно отражающей документы Тони и ее жизнь.

– Пока осваиваю компьютер, печатаю всякую ерунду, но слепым методом. Нас на курсах секретарей-референтов научили, и я стараюсь практиковаться, чтобы не забыть.

– На каких курсах? Ты же говорила, что посудомойкой на кухне работаешь? – Макс потер виски, будто хотел рассеять угар минувшего несколько дней назад банкета. И ведь запомнил сказанное про судомойку, хотя был пьян!

– Я собираюсь сменить работу, поэтому и пошла на курсы!

– Это приветствую! Такой хорошенькой девочке не место у кухонной мойки!

Я пожала плечами. А Макс доел плов, вытер губы салфеткой и сказал, что ему пора идти, поскольку у них завтра «кафедра» и ему надо посмотреть материалы к выступлению на ней.

– И вот, возьми, не потеряй только! – Он вручил мне новенькую визитку и ожидал, пока я прочитаю ее.

«Максим Евгеньевич Гаевский, кандидат философских наук, старший преподаватель... Тел. раб., тел. дом...»

– Я постараюсь тебе помочь найти работу секретарши!

– Спасибо!

Максим убежал по своим делам, а я осталась дожидаться, пока освободится Тоня.

Да, Макс не остался в долгу, вспомнил мое желание помочь ему в электричке, а сейчас захотел помочь с трудоустройством мне, почти незнакомой девушке. Благодарность к нему, как спящий за пазухой котенок, согрела меня и растопила мои чувства.

Тоня тоже появилась внезапно:

– Ты что такая взволнованная? Раскраснелась вся. Это кто к тебе сейчас подсаживался? Тот юбиляр, что недавно банкет заказывал?

– Юбиляр! – Я покачала головой. – Тонечка, ты разве не вспомнила этого парня? Он с группой студентов в электричке ехал в тот день, когда мы с тобой познакомились! Его Макс зовут!

– Не-а. Разве это он? Тот был вроде бы лохматый, а этот нормально подстрижен.

– Это он, Тонечка, он! И кажется, я ему нравлюсь!

– А он тебе?

– Наверно. Да. Нет. Не знаю!

– Анюта, а что ты звонила, случилось что-нибудь?

– Да! С завтрашнего дня выхожу на работу. Знакомый взял меня по твоим документам.

– А я знаю твоего знакомого?

– Откуда? Конечно, нет. Но я тебя с ним когда-нибудь познакомлю!

Тоня искренне за меня порадовалась.

И я поняла, что на работу к Б.Н. надо идти. Не испытывая никаких сомнений и угрызений совести.

6

На новой работе я освоилась легко, даже сама не ожидала. Притом никто не намекал на наши личные отношения с Б.Н., на то, что никому неизвестная девица с дипломом секретарши поставлена первым помощником генерального директора. А если за моей спиной и перешептывались по этому поводу, то до меня даже отголосков не доходило. Хотя и польза от меня была реальная: я с легкостью переводила любую инструкцию с немецкого; удивляя окружающих, находила юридические нестыковки в договорах – сказался мой прежний опыт работы в НИИ патентоведом; а ошибки в любых текстах я могла выловить с закрытыми глазами. Я стала для всех шпаргалкой, востребованной на любом экзамене.

Близился Новый год, и в фирме готовились к корпоративу. Я купила длинное красное платье «в пол», с разрезом на боку вдоль всего бедра и оголенными плечами. Оно было таким ярким, что, отвлекая взгляд от моего озабоченного лица, делало акцент на стройной фигуре. Новые туфли на высоченном каблуке и новая сумка дополнили наряд. И я теперь превратилась в убийственную блондинку, затемнив одну прядь синеватым цветом «баклажан». Теперь, когда у меня имелась хорошая работа, я перестала сверять свой облик с фотографией в паспорте Тони. Работая у Бориса под фамилией Молодцовой Антонины, я могла быть уверена, что никто не станет копаться в моих документах и моем прошлом!

Я даже стала забывать о Тоне, подарившей мне возможность начать новую жизнь, но она вновь появилась на пороге моей квартиры в середине декабря. На этот раз передо мной стояла женщина в дешевой, но нарядной бело-серой шубке из кролика, однако с лицом еще более унылым и старообразным, чем прежде. Глаза ее были покрасневшие, припухшие, видимо, от слез, а у ног лежала большая дорожная сумка.

– Заходи, Тонечка! – радушно пригласила я. – Ты куда-то уезжаешь? Приехала попрощаться?

– Я никуда не уезжаю. Я приехала к тебе, потому что... потому что мне некуда больше ехать! Анята, мне ночевать негде, меня из моей квартиры вытолкали с милицией!

– Но тебя ведь предупреждали, что оставляют в квартире только до Нового года, – удивилась ее наивности я. – Поэтому мы с тобой и затеяли историю с пропиской.

– Я думала, что они не посмеют так поступить с сиротой и инвалидом, что как-нибудь само образуется!

– Тоня, но ведь по документом ты больше не сирота и не инвалид, да и прописана в другом месте.

Ну как же можно быть такой беспечной! Я подумала это, но Тоне пенять не стала, лишь спросила, куда она дела кота. Тоня, всхлипывая, сказала, что Кузю она на время оставила у Константина, а чтобы вывезти остальные вещи, ей дали неделю.

– Анята, можно я к тебе свою мебель перевезу?

Этого только мне и не хватало, втискивать сюда ее рухлядь! От мебели я открестилась, но саму Тоню я вытолкать не могла. Я поняла, что не просто обменялась с ней документами, а стала кем-то вроде старшей сестры для девушки с сознанием подростка. Сама же Тоня, как это свойственно подросткам, оставалась непредсказуемой и безответственной! Поняв, что я ее не прогону, она вскрикнула «клёво!» и радостно влетела в квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.